

СЕРИЯ "ГРАНЬ. ЙОРД"

СТРИГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВИТАЛИЙ СТАРЫЙ

18+

Виталий Старый

Стриг

Серия «ГРАНЬ», книга 1

<https://litres.ru/74573122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они вошли в «Грань» просто поиграть.

А потом выяснилось, что Йорд не умеет начинать заново.

Здесь за Великой Стеной лежит мир, который существовал задолго до игроков. Лес убивает невнимательных. Магия работает по своим законам. Местные не стоят на месте в ожидании героя. А если погиб твой персонаж — прежняя жизнь в Йорде закончена. Без погоста. Без отката. Без второй попытки исправить то, что ты натворил.

Макар приходит сюда ради одного: увидеть настоящий неизвестный мир и сунуть нос туда, куда ещё никто не добрался.

В Стриге его будут знать как Старого.

Сначала ему нужны только дорога за Стену, хороший арбалет и ответы на несколько вопросов. Потом рядом оказываются люди. Потом появляются враги. Долги. Союзы. Свои мёртвые. Чужие тайны. И решения, после которых уже нельзя сказать: «это всего лишь игра».

Потому что Йорд помнит всё.

Каждую ошибку.

Каждую смерть.

И каждого, кто решил зайти чуть дальше остальных.

Содержание

Интерлюдия. Потом	5
Пролог. Дверь	8
Глава 1. Город у Стены	12
Глава 2. Новая жизнь	31
Глава 3. Первый выход	39
Интерлюдия. Стена	53
Глава 4. Цена смерти	61
Глава 5. Морош	74
Глава 6. Мастерская Старого	92
Глава 7. Крестоносцы	96
Глава 8. Ошибка Старого	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Виталий Старый Стриг

Интерлюдия. Потом

Через десять шагов строй кончился.

Не дрогнул. Не рассыпался. Просто перестал существовать.

Вокруг Старого остались щиты, чужие лица и железо. Кто-то орал ему в ухо. Кто-то падал под ноги. Слева мелькнуло древко копья.

Старый успел отвести голову.

Меча не увидел.

Удар пришёл по левой руке — тяжёлый, быстрый. На мгновение кисть вообще исчезла из ощущений.

Отрубили.

Мысль была спокойной и совершенно ясной.

Старый посмотрел вниз.

Рука оказалась на месте. Рукав разошёлся от локтя почти до запястья, кровь уже текла до пальцев. Он шевельнул ими. Получилось. Сжал ладонь — хуже.

— Потом! — заорал Кривой.

Ремень Ореха рванул шею и лопнул. Тяжёлый арбалет рухнул между ногами. Чужой сапог наступил на ложе, дру-

гой ударил сбоку — и Орех исчез в общей каше.

Старый дёрнулся за ним.

Щит врезался в грудь.

Воздух вышибло.

— Да блять...

Он отступил, нащупал правой рукой топорик и выдернул его из-за пояса.

Слева кто-то закричал:

— ТАВР!

Старый повернул голову.

Тавр встретил удар меча краем шлема.

Сталь выдержала.

Кожа — нет.

Кровь мгновенно залила ему лицо.

Тавр отшатнулся и вслепую ткнул копьём перед собой.

— Глаз?! — заорал Старый.

— Не вижу!

Это было хуже ответа.

Кривой уже вставал между ним и противником.

— ТАВР НАЗАД!

— Пошёл ты!

Тавр провёл рукавом по лицу. Красного стало только больше. Потом моргнул одним глазом. Второй оставался залит кровью.

— Правым вижу.

— Очень успокоил!

Вокруг продолжали убивать друг друга.

Кто-то упал перед Старым. Он шагнул через человека и сразу получил краем щита в скулу. Во рту стало солоно.

Старый сплюнул кровь.

Когда-то совсем недавно он хотел только одного: увидеть настоящий другой мир и узнать, что находится за следующим поворотом.

Теперь другой мир пытался отрубить ему руку.

И самое поганое — Старый всё ещё не жалел, что пришёл.

* * *

Пролог. Дверь

2035 год. Первую новость о «Грани» Макар увидел на стоянке под Нижним Новгородом. Ждал окончания обязательного отдыха, ел холодную котлету из контейнера и без особого интереса листал телефон.

Заголовок проскочил под пальцем.

Макар вернулся к заголовку и перечитал его дважды.

Котлету так и оставил лежать в контейнере.

«РусГейм» обещал первую игру полного погружения. Не шлем с картинкой перед глазами и не костюм с вибрацией — зрение, слух, вкус, запах и осязание другого мира. Боль тоже оставляли, только ограниченной. Для подключения требовались маленький чип за ухо и лёгкий обруч. Время шло один к одному: час там, час здесь.

Сам «РусГейм» появился почти из ниоткуда — на базе бывшей структуры Роскосмоса. Что именно там произошло, никто толком не объяснял.

Про Йорд объясняли ещё меньше.

Одну из коротких демонстраций Макар пересмотрел дважды. Мужчина сидел босиком на краю медицинской кушетки. Пять секунд назад для него были волна, ветер и берег; теперь техник снимал обруч, а мужчина шевелил пальцами ног, будто между ними всё ещё лип мокрый песок.

— Можно обратно?

— Сначала осмотр, — сказала врач.

— Потом обратно?

Запись закончилась.

Макар включил её ещё раз.

На сайте была одна фраза, которую «РусГейм» повторял особенно часто:

«Вы войдёте в мир, который уже существует без вас».

Вот это ему нравилось.

Макару было тридцать шесть. Фантастику он читал с детства и всю жизнь хотел увидеть место, где за следующим поворотом действительно находится то, чего он ещё никогда не видел. До Луны туристом не долетишь. До Марса — тем более.

А другой мир обещали доставить курьером прямо домой.

Предзаказ Макар оформил на следующий день.

Цена кусалась. Он всё равно заплатил.

За три месяца вокруг «Грани» успела сойти с ума половина мира. Первый запуск перенесли, производство расширили, комплекты перепродавали втридорога, политики спорили о доступе к технологии, а люди, ещё недавно смеявшиеся над самой идеей, теперь обсуждали, кем собираются стать в Йорде.

За четыре дня до запуска курьер привёз коробку.

Обруч оказался почти невесомым. Чип — маленькой гладкой штукой размером с ноготь. Макар долго вертел его в пальцах.

Вот это должно было отправить человека в другой мир.

— Ну и дела...

Инструкцию он всё-таки прочитал. Из важного запомнилось два пункта.

Время внутри и снаружи шло одинаково.

А после выхода персонаж из Йорда никуда не исчезал — просто засыпал. Его можно было разбудить, перенести, ограбить или убить.

— Обнадёжили.

До запуска оставалось четыре дня.

Макар стоял перед открытой коробкой в тихом доме. За окном темнело, через два участка лаяла собака, на кухне тикали часы.

Макар очень долго ждал этого дня.

Четыре дня как-нибудь переживёт.

* * *

На сайте шёл обратный отсчёт.

00:12:41.

Макар сел в кресло.

00:06:18.

Закрепил обруч. Чип лёг за ухом с тихим щелчком.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом в ухе прозвучал спокойный женский голос:

— Нейроинтерфейс «Грань» обнаружен. Идентификация завершена. До запуска сервиса — пять минут.

Макар положил руки на подлокотники.

Сердце билось быстрее обычного.

— Дождлся.

На последних десяти секундах он перестал смотреть на таймер.

Закрыв глаза.

— Пять.

— Четыре.

— Три.

Макар улыбнулся.

— Два.

— Один.

Тишина.

Исчезло кресло.

Исчез дом.

Исчезло ощущение собственного тела.

На один короткий миг осталась только темнота.

И голос:

— Добро пожаловать в «Грань».

Глава 1. Город у Стены

Темнота. Резкий свет полоснул по глазам. Следом ударил крик — совсем рядом. Макар моргнул, снова зажмурился. Голова поплыла; вокруг — голоса, топот, чья-то ругань. Он открыл глаза ещё раз.

Сначала мир собрался на расстоянии пары шагов: чужая спина в футболке, поднятая над головами рука с телефоном, женщина в халате, которая кричала кому-то через плечо:

— Что происходит?

Кто-то рядом сидел прямо на камнях. Другой мужчина ощупывал землю ладонями. Макар стоял, чуть расставив ноги, чтобы не качало. Посмотрел на свои руки, потом вниз. Та же старая рубашка, те же штаны — и носки вместо обуви. Всё при нём. Он ущипнул себя за руку. Больно. Не сон.

Сзади рявкнули:

— Встать! Встать, кому сказано!

Макар обернулся. Несколько солдат в лёгких доспехах шли через толпу с дубинками. Один, лысый и седой, схватил за шиворот сидевшего на земле парня в офисной рубашке и рывком поставил его на ноги. Парень дёрнулся — и сразу получил дубинкой под дых, согнулся, хватая воздух, и рухнул на колени.

— Встать! — рычал солдат. — Живо встать! Строиться!
С другого конца плаца кто-то из новоприбывших пытался

спорить:

— Какого хрена? Где поддержка?!

Ему не ответили. Схватили за шкирку и толкнули к остальным. Макар уже шагал: знакомство с дубинкой его не прельщало. Что происходит, было непонятно, зато ощущалось всё слишком реально. Спорить сейчас точно не хотелось. Солдаты ходили между рядами, держа дубинки наготове.

— Строиться! Быстро!

— Ты, в красной рубахе! Ещё раз дёрнешься — колено сломаю.

Пока людей расталкивали по рядам, мир понемногу расширился дальше ближайших спин. Справа оказался каменный дом, за ним — деревянный. У края плаца стояли местные и смотрели. Женщина в платке сплюнула себе под ноги, старик качнул головой и отвернулся. Мальчишка показал пришлым язык; мать тут же дёрнула его за плечо.

Чуть позже Макар заметил колодец. От него уходили женщины с коромыслами. Седой каменщик у ступеней не смотрел на строй вообще — отбивал зубилом раскрошившийся угол. Из боковой улицы протиснулась телега с закрытыми бочками; мальчишка у обочины зажал нос, и вместе с телегой до Макара дошёл тяжёлый запах.

Макар поморщился.

— Вот с запахами могли и не так стараться.

Рядом парень тёр ладонью грудь.

— Сердце колотится.

— У меня тоже.

Парень ещё раз потёр грудь и замолчал.

Потом снова потянуло дымом и свежим хлебом.

Рядом мужик лет сорока бормотал себе под нос:

— Я думал, это игра... приключения... драконы... а тут... армия?..

Макар не ответил. Теперь он уже видел донжон — массивную каменную башню в центре города, над ней чёрно-золотое знамя. Через несколько минут, под криками и пинками, строй всё же выровнялся. На плацу стало тише. Люди повернулись к донжону. Солдаты встали по краям, держа руки на дубинках. Местные остались смотреть.

На центральном парапете донжона, метрах в пяти над землёй, появился высокий мужчина в тяжёлых латах, с седой щетиной. Первым Макар отметил доспех: на левом наплечнике свежие царапины, край плаща аккуратно заштопан, перчатки потёрты. Не парадный. Служивый, решил Макар. Или по крайней мере похож. Мужчина не торопился и молча ждал, пока площадь повернётся к нему.

Рядом остановился ещё один человек — в богато украшенной бригантине с серебряной окантовкой и чеканными пластинами. На груди был знак: стилизованный поток воздуха, сжатый в подобие кулака. В правой руке незнакомец держал посох-копье из тёмного дерева, окованного серебром; на наконечнике слабо мерцал голубоватый свет.

Незнакомец ударил основанием посоха о камень, и воздух вокруг будто сжался. На миг стало трудно дышать. Потом голос латника заполнил площадь — усиленный так, что каждое слово отражалось от стен и доходило до дальних рядов. Шёпот оборвался.

— Я — полковник Гришный. Глава этого города.

— Вы здесь. В моём мире. И вы останетесь здесь надолго. Может быть — навсегда.

Он шагнул вперёд, к самому краю парапета. Неизвестный маг остался стоять чуть позади, положив руки на посох.

— Добро пожаловать в Стригг. Город у Стены. Один из многих.

— Вы призваны сюда, потому что нашему миру нужны люди. Те, кто будет стоять у Стены, работать, торговать, добывать и защищать. И вы — эти люди.

— Мне не нужны герои. Герои умирают быстро. Я жду от вас работы. Если вы что-то умеете — вы полезны. Если ничего не умеете — сдохните прямо сейчас.

В строю кто-то нервно усмехнулся. Рядом парень с бледным лицом шепнул соседу:

— Слышал? Это точно игра? Что-то мне уже не нравится.

Сосед, коренастый мужчина в заляпанной краской робе, ответил, не поворачивая головы:

— Не знаю. Проверять на себе пока не хочу.

Первый больше ничего не сказал.

Такие же, как он: пришли играть, а теперь прикидывали,

безопасно ли проверять смерть. Гришний, не обращая внимания на шёпот, продолжал:

— Местные жители вас не любят. И не будут любить. Вы для них — чужаки, которые могут принести проблем. Пока вы не докажете свою полезность, вы для них пустое место. Примите это.

— Запомните главное: вы не солдаты армии Лонга. Вы не граждане этого государства. Вы пришлые. Ваша жизнь — вдоль Стены, в городе Стригг и соседних укреплениях этого же государства. Между ними вы можете свободно передвигаться. Но дальше двенадцати тысяч шагов от Стены, вглубь государства Лонг, выходить строго запрещено. Нарушение карается смертью. Без суда.

Где-то в строю шёпотом спросили:

— Двенадцать тысяч шагов — это сколько километров?

— Понятия не имею.

Гришний не стал переводить местную меру в земную.

— В города других государств у Стены можно попасть только с разрешения их властей. Без разрешения вы нарушитель. И вас убьют. Лонг не станет вас защищать.

— Теперь о Стене. За ней — лес. Там хищники, и не только. Но там же добыча. Которая ценится в империях и королевствах. Принесёте это в город — будете ценны. Нет — бесполезны. А бесполезных здесь не держат.

— Хотите жить — работайте. Хотите добычу — несите её обратно. Хотите, чтобы здесь вас считали своими, — сначала

станьте полезны.

По его знаку из дверей донжона вышли двое солдат. Они с трудом несли большой деревянный сундук, окованный железом, и с грохотом опустили его рядом с низким столом, заранее вынесенным другими солдатами. Следом появился ещё один человек — низкий, плотный, в простой, но добротной одежде: кожаный жилет, рукава закатаны, на поясе увесистая связка ключей.

— Это казначей, — сказал Гришный с парাপета. — Он выдаст вам подъёмные. Десять золотых сатинов каждому. Ни больше, ни меньше.

— И не думайте, что здесь можно жить на подачки. Эти деньги — только чтобы начать. Дальше — сами. И запомните: это единственная милость, которая вас ждёт. Кто промотает этот подарок — другой помощи не получит.

Казначей открыл сундук. Внутри — аккуратные стопки кожаных мешочков, перевязанных бечёвкой. Он достал первый, поднял, чтобы все видели.

— В каждом мешочке — десять золотых сатинов. Размен — в зависимости от того, что есть в казне. Кому-то достанется больше серебра, кому-то больше меди. Но сумма одна: десять сатинов.

Казначей оглядел толпу с прищуром.

— Подходите по одному. Называйте имя. Получаете мешочек. Отходите в сторону и ждёте остальных. Без суеты, без давки. Кто полезет без очереди — уйдёт без денег.

Макар увидел, как первые люди неуверенно отделились от строя и подошли к столу. Казначей работал быстро: мешочек, книга, имя, следующий. Двое солдат встали по бокам стола, отсекая уже получивших деньги от тех, кто ещё ждал. Очередь двигалась медленно, но без толкотни. Пока ждали, Макар попробовал повторить про себя то, что говорил Гришний. Лонг — нельзя. Стена. Работать. Десять сатинов. Остальное уже расплзлось, особенно три похожих названия монет. Рядом кто-то заговорил срывающимся голосом:

— Десять сатинов — и всё? А жильё, еда? — спросил кто-то.

— Я за этот комплект как за машину заплатил, — отозвался другой. — Думал, хоть объяснят, что делать.

— Объяснили: работай и постарайся не сдохнуть. Остальное сам.

Макар стоял в очереди и чувствовал себя неожиданно хорошо. Не спокойно — сердце всё ещё колотилось после появления, криков и строя, — а живо, словно после долгой дороги открыл окно кабины и вдохнул холодный воздух. Хотел другого мира? Вот он, без инструкции на первой странице. Подошёл его черёд. Казначей протянул руку к мешочку.

— Имя?

— Старый.

Перо зависло над книгой:

— Это имя?

— Теперь да.

Казначей смерил его взглядом, решил не тратить на спор очередь и записал:

— Старый так Старый. Бери деньги и отходи.

Мешочек оказался тёплым от чужих рук и непривычно тяжёлым. Макар — теперь уже Старый — затянул бечёвку и привязал его под рубашкой. Сзади отозвался тот самый сосед по строю:

— А дед сразу фишку просёк. Имя персонажа выбрал.

Старый не обернулся. Только проверил узел и отошёл от стола. Вокруг люди пересчитывали монеты, разглядывали местную одежду, спорили, куда идти. Здесь никто не собирался выдавать им следующий шаг. Придётся искать самому.

Как только последний ряд перестали держать строем, площадь распалась на сотни маленьких разговоров. Люди считали монеты, рассматривали улицы и спорили, куда идти первым делом. Несколько человек сразу окружили ближайшего солдата.

— Работа где? — спросил высокий парень в спортивной куртке.

Солдат показал в сторону ремесленных улиц.

— Там спрашивай. Или у Стены. Или на рынке. Кто что умеет.

— А если ничего?

— Научишься. Или проголодаешься.

Чуть дальше трое уже собирались идти за ворота. Один

искал человека со щитом, второй — того, кто хотя бы умеет перевязывать раны, третий предлагал сначала купить воду и верёвку. Ещё вчера верёвка, вода и человек со щитом не казались началом плана; сегодня уже казались.

У другого края площади женщина лет сорока не интересовалась лесом вообще. Она поймала за рукав девушку-подмастерье и с помощью жестов выясняла, где в городе шьют одежду. Ещё двое спрашивали у писаря про кузницы. Кто-то уже предлагал менять земные часы и зажигалки на местные деньги, хотя никто пока не представлял их настоящей цены.

Старый постоял среди этого гула. Женщина с подмастерьем уже скрылась за углом, у писаря собрались ещё двое, а мужчина с земными часами нашёл первого желающего торговаться.

* * *

Старый оглядел площадь. Пока остальные спорили, рассматривали деньги и пытались понять, куда идти, один местный стоял у стены донжона в стороне от общей суеты.

Коренастый, широкий в плечах, с густой рыжей бородой, где уже пробивались светлые волоски. Длинный шрам от виска к скуле стягивал кожу, левый глаз казался чуть уже правого. Меч висел низко, в потёртых ножнах; сапоги были чинены не один раз. Мужчина не метался взглядом вместе с пришлыми: когда люди проходили близко, просто смотрел на них и снова переводил глаза на площадь. Местный, вооружённый, спокойный. Для первого вопроса хватит. Ста-

рый подошёл и остановился на расстоянии разговора.

— Доброго дня. Трактир здесь есть?

Мужчина скользнул взглядом по носкам, одежде пришло-го, мешочку с деньгами.

— Есть несколько. Тебе дешёвый, тихий или такой, где утром не вспомнишь вечер?

— Где кормят нормально и можно поговорить с человеком, который понимает, куда я попал.

Рыжебородый чуть прищурился.

— За дорогу десять соттонов. За разговор денег не беру. Но сядем за твоим столом, поесть закажешь и мне тоже. Я сегодня ещё не обедал.

— Идёт.

Договор был закрыт. Мужчина пошёл через площадь. Не торопился и не проверял, следует ли клиент за ним. По дороге Старый впервые увидел Стригг не с плаца. У колодца стояла очередь с деревянными вёдрами; у булочной подмастерье выметал в сточную канаву серую золу; возле дома с красной черепичной крышей двое стражников проверяли пломбу на караванном сундуке. Над крышами возвышалась Стена, и на её верхней кромке медленно двигались маленькие отсюда фигурки людей. На одном участке висели леса — каменщики ремонтировали кладку даже сейчас.

— Её всё время чинят? — спросил Старый.

— Всё время. Камень тоже устаёт. А с той стороны ему помогают быстрее.

Трактир «У старого пня» стоял в боковой улице. Двухэтажный, тёмное дерево поверх каменного первого этажа, широкая дверь, двор с навесом и коновязью. Над входом висела старая вывеска с кружкой и корявым пнём.

— Здесь, — сказал проводник. — Збруй лишнего не нальёт и лишнего не спросит. Для трактира редкое сочетание.

Внутри пахло жареным мясом, тёплым хлебом, хмелем и дымом очага. За стойкой стоял хозяин — невысокий, тяжёлый в кости мужчина с крючковатым носом и седыми жёсткими волосами. На правой кисти два пальца плохо разгибались, и кружки он брал особым привычным движением, подхватывая их снизу. Проводник выбрал стол у стены, откуда были видны дверь и лестница. Старый отметил это и сел напротив.

— Мясa, хлеба, что-нибудь горячее. И крепкого на двоих, — сказал Старый. — У меня сегодня праздник — в рабы записался. Сам. Добровольно.

Збруй задержал кружку в руке.

— Это видно. Еду сначала.

— Почему?

— Потому что пришлые сегодня уже двоих унесли из зала. Пить умеют как дома, а тела здесь почему-то считают новыми.

Еду принесли быстро: густое мясное варево, хлеб, зелень, потом уже глиняную бутылку и две небольшие кружки. Они успели сделать по глотку, когда дверь открылась и в зал во-

шёл знакомый с площади. Старый узнал его не сразу. На плацу тот стоял неподалёку и шептался про приключения и бородача. Теперь оказалось, что это мужчина немного моложе Макара, худощавый, коротко стриженный, в рабочей робе с потёртым воротом. Двигался быстро и всё время смотрел по сторонам, будто боялся пропустить что-нибудь важное.

Он заметил Старого, улыбнулся и подошёл к столу.

— Ты рядом со мной на площади стоял. Где тот бедолага всё хотел бородача позвать проверить механику смерти.

— Было дело.

— Я Игорь. Если не против, подсяду. Одному сейчас совсем глупо по городу круги наматывать.

— Садись.

Игорь пожал руку Старому, поздоровался с рыжебородым и заказал себе еды. Когда принесли миску, первым делом выловил ложкой длинную зелёную веточку и аккуратно положил на край стола.

— В любом мире найдётся трава, которую повар считает обязательной.

— Не ешь? — спросил Старый.

— С детства ненавижу. Сам не знаю, за что.

Он сказал это совершенно серьёзно и снова принялся осматривать зал: чужое оружие, резные балки, местные монеты. Когда нервничал, большим пальцем тёр белый след старого ожога у основания указательного.

— Я всё ждал, что после плаца нам хотя бы карту выдадут,

— признался он. — Или список: сюда не ходить, этого не есть, это кусается. А нас просто выпустили.

— Гришный список выдал, — заметил проводник. — Работай, не лезь в Лонг и постарайся не умереть.

Игорь рассмеялся.

— Вот примерно поэтому я и сел к вам. Вы хотя бы местный.

Старый слушал их и ел. Игорь нравился ему не бесстрашием — никакого бесстрашия в нём не было. Просто тот не прятал растерянность и всё равно хотел идти смотреть дальше. Когда первая острота голода прошла, Старый поставил кружку и спросил проводника:

— Мы уже заплатили за дорогу, поели за мой счёт. Теперь можно хотя бы имя узнать?

Рыжебородый провёл большим пальцем по старому шраму.

— Тавр. Наёмник. Пять лет служу в Стригге по наймовой записи. Срок скоро выходит.

— По какой записи?

— Наймовой. Писарь пишет, на сколько нанят, сколько платят и кому подчиняюсь. Пока запись действует — город знает, за кого спрашивать.

— Договор на службу.

— Если тебе так понятнее.

— И останешься?

Тавр не ответил сразу. Отломил хлеб, обмакнул в подли-

ву.

— Скорее всего. Я уже слишком много знаю о здешних дорогах и слишком мало — о тех местах, куда когда-то собирался вернуться.

Игорь подался вперёд.

— А нас зачем сюда вообще позвали? Гришний сказал — нужны люди. Но там на площади людей было столько, будто город войну собирается начинать.

— Стена съедает людей быстрее, чем города успевают их растить. Не сама кладка. Всё, что вокруг неё. Караулы, ремонты, лес, обозы, чудовища. За Стеной есть древесина, руда, шкуры, травы, вещи, за которые в глубине Лонга платят хорошие деньги. Только деньги добычу обратно не несут.

За окном над крышами темнела Стена.

— Раньше за лес платили так, что охотник мог кормить семью. Теперь всё больше людей считают, что лучше быть беднее, но живым.

— А мы, значит, любим? — спросил Игорь.

— А вы прёте в лес как бессмертные. По одному, малыми группами, толпами. Страх нет.

— А столица меньше требовать не стала. Камень на Стене тоже бесплатно не появляется. Железо не появляется. Зерно гарнизону — тем более.

Старый вспомнил леса на кладке.

— Значит, мы закрываем дыру.

Тавр покачал головой.

— На время. Кто-то из вас уйдёт в ремесло, кто-то в добычу. Кто-то полезет слишком далеко и не вернётся. Городу нужны первые двое, а получает он всех сразу.

Игорь медленно отложил ложку.

— Звучит почти как рабство.

Тавр отломил корку хлеба.

— Раб? Нет. Уйти тебе никто не мешает — вдоль Стены, если другой город примет. Здесь хочешь жить — придётся быть полезным. Хорошей жизнью я это тоже не называл.

Потом разговор свернул к слухам. Несколько городов Стены уже перестали платить своим государствам прежнюю дань. Гришний, говорили, вёл переговоры с соседями. Кто называл это подготовкой к независимости, кто — обычным торгом со столицей.

— Договоров я сам не видел, — добавил Тавр. — Так что это слухи.

— Если он действительно решится, ему понадобятся люди, которые умеют работать вместе. Толпа с площади для этого не годится.

Старый покрутил кружку в пальцах.

— А после найма что делать собираешься?

— Наёмничать буду. Отряд соберу. Десяток-другой тех, кого знаю. Сопровождение, лес, охрана караванов. Устал получать приказ от человека, который сам туда не пойдёт.

— Сам себе хозяин, — сказал Старый.

Тавр пожал плечом.

— Если отряд прокормлю.

Тавр вернулся к хлебу. Игорь, наоборот, оживился.

— Тогда вопрос профессионалу. Если я сейчас куплю меч и найду учителя, через сколько перестану выглядеть человеком, который купил меч час назад?

Тавр впервые улыбнулся широко.

— Вот это хороший вопрос. Меч не сделает тебя бойцом ни через день, ни через месяц. Человек, который учился с детства, увидит твою первую ошибку раньше тебя. Хочешь быстрее получить шанс выжить — возьми дубину или короткое копьё. Два-три надёжных движения можно поставить за вечер. Красиво не будет. Но шанс появится.

— Я всю жизнь меч хотел.

— Тогда купи потом. Когда появятся лишние деньги и время учиться. Меч никуда не убежит.

— Ладно. Сначала сапоги, потом дубина, потом меч. Запиши, пока я пьяный и разумный.

Игорь покрутил кружку.

— В первом мире я электромонтажом занимался, во втором буду дубиной людей бить. Хорошая карьерная лестница.

— Электромонтаж — это работа руками? — спросил Тавр.

— Иногда ещё головой.

— Тогда в Стригге ты уже полезнее многих с площади. Старый поднял кружку.

— За то, чтобы разобраться раньше, чем нас кто-нибудь

разберёт.

Игорь засмеялся и чокнулся. Тавр просто поднял свою кружку в ответ.

Крепкое оказалось обманчиво мягким. После второй маленькой кружки Старому стало жарко, хотя дверь в зал то и дело открывали. Игорь заговорил быстрее, дважды возвращался к вопросу о мечях и один раз минуту доказывал, что местные розетки всё равно когда-нибудь изобретут, после чего сам понял, что никаких розеток здесь пока нет, и засмеялся первым. Старый перебил Тавра на середине ответа, через несколько секунд забыл, что хотел добавить, и раздражённо махнул рукой.

Тавр отодвинул бутылку к стене.

— Хватит. Воду.

— Командир нашёлся, — сказал Старый.

Тавр подвинул воду ближе и вернулся к своей кружке.

Старый хотел возразить, но пересохшее горло решило за него. Воду всё-таки выпили.

К вечеру трактир стал тише. Люди расходились, Збруй гасил лишние лампы и проверял, плотно ли закрыты ставни. В углу один из работников занёс внутрь два ведра воды и поставил рядом с очагом; Старый сначала решил, что для кухни, но заметил такие же вёдра у лестницы.

— Комната нужна — у Збруя спроси, — сказал Тавр. — Бельё меняет, воров не любит.

Старый подошёл к хозяину.

— Комната на одного.

Збруй смерил его взглядом, словно заранее считал будущие хлопоты.

— Три сетинна. Ужин уже съел. Завтрак отдельно. Вода в кувшине. Свечу не оставляй без присмотра.

— А если очень хочется?

— Тогда сначала заплати за трактир, — невозмутимо ответил Збруй.

Старый решил, что хозяин шутит. По лицу определить не получилось. Он получил ключ, попрощался с Тавром и Игорем и поднялся в комнату. Она была маленькой, но чистой: кровать с жёстким тюфяком, стол, табурет, кувшин, закрывающиеся ставни.

Только когда Старый лёг, ноги напомнили о камне и улицах, пройденных почти в одних носках. Стопы саднило, мышцы тянуло. Он прикрыл глаза; в голове смешались плац, Гришний, Тавр, Игорь и тёмная полоса леса за Стеной.

Лёжа на жёстком тюфяке, Старый почти успел провалиться в сон. И только тогда распахнул глаза.

— Стоп.

Он сел. За тонкой стеной кто-то осторожно переставлял вещи, с улицы донёсся резкий лай — почти собачий, хотя Старый уже не стал бы ставить деньги на то, что здесь вообще водятся земные собаки. Старый провёл ладонью по деревянной обшивке и вдруг заметил, что несколько часов вообще не вспоминал о кресле, обруче и доме. Сидел в трактире,

пил, разговаривал. Даже выход не проверил.

Меню отозвалось не сразу. Лишь после нескольких попыток перед глазами возникла полупрозрачная панель: имя, мир, город, лёгкое опьянение и усталость. Денег оставалось девять сатинов с мелочью. Вместо чисел напротив силы, реакции, здоровья и магического резерва стояли вопросительные знаки. Внизу светилось: «Выход из игры: доступен».

— Очень содержательно.

Он выбрал выход. Комната растворилась без красивого перехода — темнота, короткое ощущение падения, и под ладонями снова оказались подлокотники домашнего кресла. На часах было половина восьмого вечера: внутри прошло почти столько же времени, сколько снаружи.

Макар снял обруч и вынул чип. Несколько секунд посидел в кресле, привыкая к тихой комнате.

За окном темнел частный сектор: сады, редкий свет, далёкий лай. Почти та же тишина, что в комнате Стригга, только без запаха дерева и скрипа лестницы. Макар лёг на диван не раздеваясь. Перед сном успели мелькнуть Стена и тёмная полоса леса за воротами.

Глава 2. Новая жизнь

Макар проснулся на диване в одежде и несколько секунд смотрел в потолок. Запах дыма и мокрого дерева ещё держался в памяти так ясно, что пришлось заново вспомнить: Стригг, трактир, Тавр, лес за Стеной.

Обруч лежал на столе. Здесь ноги не ныли, во рту не осталось вкуса местного алкоголя, ладони были чистыми. Макар поставил кофе и ещё раз осмотрел руки — не потому, что ожидал найти раны, а потому, что другое тело вспоминалось слишком отчётливо для сна.

Через десять минут он ел бутерброд у окна. Сосед заводил машину, через два дома женщина выгуливала собаку, по дороге прошёл школьник. Обычное утро, в котором никто вокруг не знал, что где-то за каменной Стеной другой Макар оставил жёсткую кровать, мешочек местных денег и стёртые до боли ступни.

Он допил кофе, взял обруч.

— Ну здравствуй ещё раз.

* * *

Под спиной оказался тот же тюфяк. Стопы саднило ровно там, где саднило вечером, щетина стала грубее, в комнате пахло деревом и вчерашней свечой. Из коридора тянуло кашей.

Старый проверил мешочек под одеждой и спустился вниз.

В трактире было почти пусто. Збруй резал хлеб той самой кистью с плохо разгибающимися пальцами. За дальним столом сидел Игорь; на соседнем табурете лежала его куртка, место явно держали.

— Доброе. Я думал, ты раньше появишься.

— Сначала сапоги.

Игорь заглянул под стол и увидел носки.

— Тогда действительно сначала сапоги.

Збруй без приглашения поставил перед Старым кашу, хлеб и сыр. Комната давала право на ночлег, завтрак считался отдельно; Старый спросил цену и заплатил.

Игорь подождал, пока хозяин отойдёт.

— Здесь быстро учишься считать деньги.

— Значит, мир нормальный.

Разговор сам перескочил на Землю. Игорь угадал в Старом дальнобойщика по вчерашним рассуждениям о дороге, потом признался, что ночью всё-таки думал о мече. Желание никуда не делось, но первым оружием он собирался взять то, чем труднее случайно отрубить себе ногу.

Збруй услышал достаточно, чтобы не ждать вопроса.

— Рынок направо, две улицы вниз. Сегодня ярмарка.

— Обдерут? — спросил Игорь.

— Если дадитесь.

* * *

Утренний Стригг оказался совсем не тем городом, который вчера окружал плац. Пришлые занимали много места,

но сам город уже умел их не замечать.

По улицам тянулись телеги с водой, у булочной стояла очередь, солдаты возвращались после ночной смены, писари проверяли пломбы на караванных дворах. Каменщики белой чертой отметили трещину в мостовой; тележник выругался, объезжая их, и поехал дальше. Возле желоба мальчишка сгребал мусор в тяжёлую корзину.

Старый шёл медленнее потока. На ярмарке пришлые уже разложили земные куртки, кроссовки, часы, зажигалки и чехлы от телефонов. Один мужчина требовал за складной нож цену местного меча. Покупатель сложил нож, вернул и ушёл.

— Быстро освоились, — заметил Игорь.

— Цены придумали. До остального ещё далеко.

В оружейном ряду Игорь продержался недолго. Прошёл мимо мечей, сделал два шага, вернулся и снял со стойки простой одноручный клинок.

— Красиво.

Старый увидел, куда ушёл локоть.

— Поставь, пока красиво.

Игорь всё-таки поставил. В соседней лавке были дубины, короткие копья и простые щиты. Первую палицу уже на третьем движении потянуло вниз. Продавец дождался, пока Игорь почувствует это сам.

— За Стену собрался — бери ту, которую поднимешь десятый раз. Первый раз любой дурак сильный.

Игорь выбрал лёгкую. Спорить с плечом оказалось труднее, чем с продавцом.

* * *

Ремесленный квартал пах опилками, железом, клеем, кожей и дымом. Здесь Старый впервые перестал смотреть на город только как пришлый и начал оценивать материал.

В открытой плотницкой мастерской мастер проверял длинную заготовку по натянутому шнуру. Старый задержался у двух похожих обрезков дерева, и мастер без представления сунул оба ему в руки.

Один оказался заметно тяжелее.

— Этот плотнее.

— Из-за Стены.

Старый посмотрел торец.

— Для оси бы пошёл.

Только после этого мастер поинтересовался, работал ли он с деревом. Старый не стал выдавать домашний верстак, попытки делать луки и мелкую работу за ремесло.

— Не мастер.

— Тогда хотя бы не врешь.

Мастер забрал обрезки и показал, на что смотреть у добычи из леса: волокно, вес, работу ножа поперёк и вдоль. Редкое не обязано быть хорошим. Прямой ствол он купит только если тот действительно нужен.

За недорогим инструментом посоветовал идти к Здравко — тот скупал всё, что ещё можно продать второй раз.

Лавка Здравко выглядела как склад, который годами собирались разобрать и каждый раз находили повод оставить ещё одну вещь. На крюках и полках теснились сапоги, ремни, инструмент, ножны, заплатанные куртки, котелки, плащи и три седла для незнакомых Старому животным.

Хозяин менял заклёпку на кожаной сумке. Он закончил удар, проверил металл ногтем и только потом занялся покупателями.

Старому нужны были одежда для леса, сапоги, две сумки, топор и нож. Игорь уже пришёл со своей палицей, и Здравко оценил её коротким «нормальная».

Сапоги пришлось перемерить три пары. Одни жали. Здравко сказал, что разносятся; Старый прошёлся по лавке и решил, что нога разотрётся раньше. Хозяин спорить не стал — не бери, значит не бери.

Топор был старым, но лезвие сидело крепко. Ножи — простые. Общая цена заметно кусала стартовый мешочек, поэтому Старый торговался уже всерьёз. Здравко немного уступил только после того, как к покупке добавились две фляги и второй нож.

Земные вещи он тоже брал. Куртку оценил выше часов: куртку можно носить, а для часов ещё нужен покупатель. Функцию будильника Здравко понял после объяснения, но маленький «колокол» его не впечатлил.

Перед уходом Старый нашёл на полке простой копеечный

наконечник с длинной ровной втулкой. Четыре сетинна. Железо хорошее, втулку уже переделывали; найдётся прямое древко — получится рабочее копьё.

Игорь увидел покупку и покосился на топор.

— Начинаю понимать твою болезнь.

Важнее было другое: что Здравко вообще покупает из-за Стены.

Тот перечислил древесину, шкуры, железы, редкую руду, старый инструмент, иногда травы. Если находчик сам не понимает ценность, Здравко советовал не продавать первому уверенно говорящему человеку: сначала найти двух людей, которые в этом разбираются, и спросить обоих, почему цена именно такая. После этого можно прийти к нему и всё равно продешевить.

— Даже у тебя?

— Особенно у меня.

* * *

К воротам они пришли ближе к полудню. Здесь Стена переставала быть частью пейзажа и становилась сооружением: камень уходил вверх на несколько этажей, в арке спокойно разминулись бы две нагруженные телеги, а у писарского стола люди двигались быстрее, чем на рынке.

С лесной стороны возвращалась группа пришедших. У одного был разорван рукав и грязная повязка на кисти. Девушка несла сапоги в руках, пятки стёрты до крови. Их товарищ объяснял стражнику, как следы внезапно пропали и как

группа, пытаясь обойти болото, вышла назад совсем не там.

Про раненую руку он сказал «ветки». Сам раненый зло поправил: не ветки, из кустов что-то ударило, но что именно — не видел.

Стражник записал и отпустил их дальше.

Вчера Тавр рассказывал про лес словами. Сегодня по дороге прошли люди с кровью на повязке и сапогами в руках.

Тавр стоял у писарского стола со старшим караула. Старый обозначился коротким кивком и не полез в разговор. Игорь предложил всё-таки спросить, чего они забыли купить.

— Если спросим сейчас, узнаем слишком много.

— Вот эта фраза мне уже не нравится.

У писаря заплатили по два сетинна, назвали имена и услышали правила возврата: отметитья обратно до закрытия ворот.

Отойдя несколько шагов, Игорь проверил сумку и обнаружил дыру в подготовке. Вода была. Еды и верёвки — нет.

Рынок оставался за спиной, лес уже виднелся в арке. Полдня ушло на покупки, деньги тоже ушли заметнее, чем хотелось. Они собирались только посмотреть ближайший лес и вернуться.

Старый прикинул солнце.

— Недалеко.

Игорь вздохнул.

— Зато сапоги купили. Уже бывалые.

Старый поправил ремень сумки и вошёл под арку. За спиной остались ворота Стригга. Впереди начинался лес.

Глава 3. Первый выход

За воротами ещё было почтилюдно. Между Стеной и настоящей чащей лежала вытоптанная полоса, где первые пришлые уже успели оставить следов больше, чем смысла. Один мужчина соскабливал серый налёт с валуна в мешок и называл это алхимией, хотя сам пока не знал, какой именно.

Чуть дальше трое рубили первое попавшееся дерево; один бил мечом. Игорь задержался только, чтобы пожалеть меч.

По траве метнулся серый длинноногий зверёк, а следом человек восемь с палками, ножами и одним зачем-то поднятым щитом. Крики «левее» и «не маши мечом» помогли ровно настолько, чтобы зверёк проскочил между ногами щитоносца и исчез в колючем кустарнике. Охотники остались спорить, кто его спугнул.

— Мясо тоже деньги, — сказал Игорь.

Дальше лес ещё несколько сотен шагов помнил город: свежие зарубки, десятки следов, сломанные ветви, ободранные кусты, брошенная тряпка. Справа спорили о ярко-жёлтых ягодах; никто не знал, безопасны ли они, но один человек уже жевал. Потом голоса остались позади, следы разошлись, и нормальная тропа закончилась.

У огромного выворотня Игорь проверил интерфейс. Карты не было. Стена тоже уже скрылась за деревьями.

— Направление помнишь?

— Пока.

Пришлось смотреть самим.

Под кронами стояла влажная жара. Подлесок цеплялся за штаны, тонкие ветви хлестали по лицу, между кустами висели почти невидимые липкие сети. Вверху перекликались летающие существа, внизу под гнилой корой шевелилось что-то слишком многоногое для близкого знакомства. Через час рубаха прилипла к спине.

Игорь сделал пару глотков из фляги.

— Тавр не пугал. Просто экономил слова.

Ещё через полчаса лес заставил менять направление обычной физикой: рухнувший ствол толщиной почти в человеческий рост, сплетённый подлесок и резкий склон за ним. Старый выбрал обход справа — не потому, что уже нашёл добычу, а потому, что возвращаться с грузом через такое место было бы хуже.

Дальше они шли почти молча. Плотник советовал искать необычное, но в глубоком лесу необычным казалось всё. У одного дерева кора шла угловатыми пластинами, другое носило длинные тёмные наросты, у третьего листья росли пучками прямо из старой древесины. Ничего из этого не просилось на плечо.

Игорь выбрал дерево со светлыми пятнами только потому, что заметил первым. Старый не нашёл в пятнах ничего полезного.

Через двадцать минут нашлось другое.

Небольшой ствол был почти чёрным, с холодным синим отливом на свету. Несколько ветвей отходили удивительно прямо, будто готовые древки. Игорь обошёл дерево кругом, не касаясь.

— Больное?

— Или просто такое.

Старый снял топор.

Первый удар оставил на коре светлую отметину глубиной в несколько миллиметров. Второй высек у кромки короткую искру. Железо почти не вошло. Игорь попробовал сам и сразу почувствовал отдачу в руку.

— Может, оно просто бесполезное.

— Хорошее железо почти не берёт. Хочу понять, почему.

На «пять минут» ушло куда больше. Они менялись у ствола, поправляли кромку топора ножом, обматывали лопнувший волдырь тканью. Зарубка росла так медленно, что через несколько часов выглядела издевательски маленькой.

Игорь первым предложил бросить и вернуться с нормальным инструментом. Старый почти согласился, пока не вспомнил совет плотника: вес, волокно, работа ножа поперёк и вдоль.

Он опустился у зарубки. Поперёк нож почти вставал. Вдоль снялась длинная тонкая стружка. Вторым проход дал то же.

— Мы неправильно рубили.

Игорь попробовал сам. После этого способ изменили:

подрезали, выбирали древесину вдоль структуры, заходили с нескольких сторон и только потом снова брали топор. Работа оставалась тяжёлой, но наконец стала двигаться в реальности, а не только в надежде.

Когда ствол треснул, оказалось, что победа ещё не закончена: прямые ветви вошли в крону соседнего дерева и удержали его на весу.

Игорь тяжело дышал.

— Всё. Хватит.

— Снимем ветви.

Одну подрубили с земли, к другой Старый полез на толстый корень, пока Игорь держал его за пояс. Через двадцать минут ветвь треснула, ствол прошёл перед лицом и тяжело лёг в подлесок.

Несколько секунд они просто стояли. Потом Игорь сел.

— Больше сегодня ничего не рубим.

Свалить дерево оказалось только половиной дела: теперь это был груз. Мелкие ветви обрубали, самые прямые оставили. Трёхметровую хлыстину смогли поднять вдвоём, но не смогли представить, как понесут её несколько километров на руках.

Верёвки они, конечно, не купили.

Пришлось резать новые сумки: снять плечевые ремни, боковые стяжки, собрать две грубые петли для волочения. Часть вещей ушла на пояс.

Одна чёрная ветвь оказалась почти прямой и достаточ-

но жёсткой. Старый достал утренний копейный наконечник, подрезал древесину вдоль, подогнал втулку и стянул основание полосой кожи. Получилось грубо и явно временно, но древко почти не гнулось.

Игорь проверил середину рукой.

— Это уже можно показать оружейнику.

Ещё две прямые ветви привязали к стволу и наконец двинулись обратно.

* * *

Обратный лес оказался другим, хотя деревья были те же. На пути туда корень просто переступали; теперь он ловил нижний конец трёхметрового груза. Узкий проход требовал поднять, развернуть, подать, протянуть. На склоне ствол тянул вниз сильнее обоих.

Первые двадцать минут они пытались держать темп, потом перешли на короткие отрезки работы и отдыха. Ремни резали плечи даже через одежду. Игорь почти не разговаривал.

Когда дерево снова намертво застряло между корнями, он сел рядом.

— Сколько сатинов оно должно стоять, чтобы мы не были идиотами?

Старый дёрнул ремень.

— Девять.

Игорь молча полез поднимать задний конец.

Вода кончилась ещё через час. У Старого оставался один

глоток; он отдал флягу Игорю, тот отпил совсем немного и вернул остаток. Горло уже пересохло, пот почти исчез, хотя жара никуда не делась.

Прямое направление пришлось бросить. Они пошли по низинам, сначала нашли влажную почву, потом слышали воду. Ручей был узкий, тёмный и тёплый, протиснутый между корнями.

Игорь уже опустился на колени, но остановился сам.

— Мы вообще знаем, что это можно пить?

— Нет.

Пили понемногу, с паузой. Вода пахла землёй и мокрой корой, ничего явного не происходило. Потом наполнили фляги, Старый промыл ладонь и затянул свежую повязку.

Через несколько минут снова впряглись.

* * *

Ближе к внешней части леса стало светлее. Следов людей больше. Голоса иногда долетали издалека. Старый уже думал только о воротах. Ствол шёл за ними по земле с тяжёлым шорохом. Чёрные ветви были привязаны сверху. Копьё Старый нёс в руке: на ствол его уже некуда было пристроить.

Игорь первым заметил людей.

— Слева.

Трое вышли из-за деревьев там, где обратный проход сужался между выворотнем и толстым стволом. По одежде — такие же пришлые, только уже не первого дня. У одного кольчуга поверх плотной куртки. Второй держал короткое

копье и круглый щит. Третий был моложе остальных — худой, тёмноволосый, с обычным топором.

Они сначала посмотрели на Старого и Игора: мокрые рубахи, дрожащие после переноски руки, ремни, врезавшиеся в плечи. Потом — на чёрный ствол, который закрывал отход назад и не позволял просто разойтись в стороны. Кольчужник задержал взгляд на древесине.

— Хорошо сходили.

Отвечать было незачем. Щитоносец сместился вправо, молодой — к выворотню. Проход закончился.

— Оружие кладёте, — сказал человек со щитом. — Груз оставляете. Уходите к воротам.

Игорь коротко глянул на Старого, проверяя решение. Старый поставил конец копья на землю.

— Нет.

Кольчужник вздохнул.

— Мы вас не знаем. Вы нас не знаете. Мне ваши жизни не нужны.

Он кивнул на ствол.

— Вам до города недалеко. Нам нужен груз и железо. Разойдёмся.

Предложение звучало почти буднично: отдать груз и уйти живыми. Трое свежих людей против двух вымотанных. Можно было бросить часы работы на земле, вернуться к воротам и купить новый топор с новыми сумками.

Старый посмотрел на чёрный ствол, обрезанные ремни и

перевязанную ладонь.

— Последний раз, — сказал щитоносец. — Бросайте.

Игорь тихо сказал:

— Старый...

— Знаю.

Кольчужник чуть расслабил плечи, решив, что договорились. Старый снял топор с пояса.

— На землю, — сказал тот.

Старый взвесил топор в ладони.

— Лови.

Он бросил некрасиво и не как человек, умеющий метать топоры, — просто сильно, в корпус. Кольчужник дёрнулся в сторону, щитоносец в тот же миг шагнул туда же, закрываясь, и они столкнулись плечами. Топор вместо груди ударил кольчужника обухом сбоку в висок. Короткий звук — и человек упал. На мгновение замерли все, включая Старого: он рассчитывал только заставить их дёрнуться.

Щитоносец первым пришёл в себя.

— УБЬЮ!

Копьё пошло вперёд. Старый успел отбить древко чёрным копьём неумело, почти боком. Удар всё равно задел рукав и царапнул руку. Игорь врезался палицей в щит. Глухо. Щитоносец отшатнулся.

— Игорь! Молодого!

Тёмноволосый уже шёл сбоку с топором. Игорь развернулся к нему. Старый второй раз встретил копьё. Теперь на-

конечник прошёл рядом с животом. Слишком близко.

Он бросил собственное копьё в сторону — длинное древно только мешало — и шагнул внутрь дистанции. Щитоносец отдёргнул своё оружие. Не успел. Старый врезался плечом в щит. Оба поехали по влажной листве.

Щит оказался между ними. Чужое колено ударило Старого в бедро. Он попытался достать нож. Рука запуталась в ремне сумки, от которой осталась одна жалкая петля. Щитоносец ударил краем щита в лицо.

Перед глазами вспыхнуло. Старый схватил его за запястье. Они покатались по мокрой листве, и никакой техники уже не осталось: важно было только, кто окажется сверху, кто первым достанет железо и кто не даст другому встать. Щитоносец попытался ударить кулаком. Старый поймал руку обеими, дёрнул на себя, ударил лбом в лицо. Больно стало обоим.

Противник отшатнулся на мгновение. Хватило. Нож наконец вышел. Первый удар пришёлся в плотную стёганку под кольцами ремней. Не вошёл.

Второй скользнул. Чужая ладонь схватила Старого за кисть. Пальцы попали на лезвие. Кровь мгновенно сделала всё скользким. Противник заорал.

Старый рванул нож назад. Ладонь раскрылась. Он ударил снова, сбоку, под край стёганки. На этот раз клинок вошёл. Человек дёрнулся.

Старый не понял, достаточно ли. Ударил ещё. Щитоносец

обмяк не сразу. Старый откатился в сторону, хватая воздух. Во рту кровь.

Колено горит. Ладонь дрожит. Игорь. Старый повернул голову и увидел, как молодой тёмноволосый уходит от широкого взмаха палицы. Усталость сделала движение Игоря медленным: топорщик шагнул вбок, пропустил удар мимо и без размаха рубанул под рёбра. Игорь застыл, посмотрел вниз; палица выпала из руки. Тёмноволосый выдернул топор и отступил.

— Игорь!

Старый поднялся слишком резко. Мир качнулся. Он схватил чёрное копьё с земли. Молодой глянул на своих: один не шевелился, второй лежал в крови. Потом развернулся и побежал.

Старый рванул следом и первые десять шагов ещё верил, что догонит, но ноги быстро налились свинцом. Тёмноволосый перескочил через упавший ствол и ушёл между деревьями. Попытка ускориться закончилась подломившимся коленом. Пришлось остановиться.

Вернувшись, он нашёл Игоря на боку и опустился рядом.
— Игорь.

Ответа не было. Кровь под рубахой уже растеклась широко. Старый приложил пальцы к шее, не понял, переставил их и попробовал ещё раз. Ничего. Несколько секунд он так и сидел рядом, пока лес вокруг снова шумел как раньше, будто поляна не изменилась вовсе.

— Вот же...

Слова закончились. Если «Грань» работает так, как обещали, сам Игорь сейчас где-то на Земле. Наверное. А здесь Игоря больше не было. Старый посмотрел на тёмное пятно под телом.

Потом посмотрел на ствол. Работу всё равно надо было дотащить до ворот. Он закрыл Игорю глаза. Первым делом Старый поднял палицу Игоря, потом собрал нож, сумку, деньги и флягу. Оставлять всё это здесь было глупо. У двоих нападавших он забрал только то, что мог унести и что имело смысл: кошель, два ножа и меч кольчужника.

Кольчугу снимать не стал — слишком долго и слишком тяжело. Щит тоже оставил. Копьё у второго было хорошим, но тащить ещё одно длинное древко вместе с чёрным стволом не хотелось. Снял только наконечник и ременную перевязь. Старый посмотрел на топор, которым бросил первым. Нашёл его рядом с телом кольчужника.

Забрал. Три ремня с мёртвых оказались лучшей добычей прямо сейчас. Он усилил ими упряжь на чёрном стволе. Чужое железо привязал сверху. Палицу Игоря — отдельно.

К Игорю Старый подошёл ещё раз. Правила «Грани» обещали возвращение на Землю. Тело Игоря осталось здесь, и унести его вместе с трёхметровым стволом Старый физически не мог.

Старый запомнил место: раздвоенный ствол, светлый камень, просвет в сторону Стены. Потом впрягся. Чёрное де-

рево сдвинулось с мокрой земли.

* * *

Последний участок до ворот оказался длиннее всего дня. Теперь Старый тащил один: каждый корень останавливал груз, подъёмы приходилось брать рывком, ремень впивался в уже содранное плечо. Один раз он бросил всё и лёг на спину. Между листьями темнело небо. Далёкий рог со Стены поднял его лучше любой мысли о дисциплине.

Когда между деревьями появилась открытая полоса, он не сразу поверил, что дошёл. Ворота ещё были открыты, но возвращающихся уже торопили.

Стражник увидел чёрный ствол, копьё, чужое железо и Старого одного. Писарь нашёл запись на двоих.

— Игорь не вернулся. Мёртв.

Дальше пришлось сказать только необходимое: трое пытались забрать груз, двое остались в лесу, третий ушёл. Писарь сделал отметку. У ворот никто не собирался проводить расследование до темноты.

До трактира было куда ближе, чем от дерева до Стены, но плечо с этим не соглашалось. У стены сидели трое грузчиков с широкими ремнями и деревянной рамой, ожидая последних заработков.

Старый показал на ствол и назвал «Старый пень». Первый попробовал вес и запросил три сетинна за двух людей. Сошлись на двух с половиной.

Когда двое правильно распределили ремни и подняли пе-

редний конец, груз впервые за день перестал быть личной войной Старого с землёй.

* * *

Збруй увидел во дворе сначала Старого, потом грузчиков и чёрный ствол. Вопросов не задал. Велел класть под навес, но предупредил: если навес сломают, платить Старому.

В трактире хозяин поставил на край стойки таз с водой.
— Руки.

Только тогда Старый заметил засохшую кровь между пальцами, и не вся была его. Вода быстро стала розовой. Збруй проверил одежду на сквозные раны; дырок не нашёл и отправил наверх с единственным условием: если ночью пойдёт кровь или начнёт блевать кровью — кричать, потому что труп в комнате ему не нужен.

В своей комнате Старый поставил чужой меч и топор у стены. Палицу Игоря положил на стол.

Посидел рядом с ней и вызвал выход.

* * *

Земля вернулась креслом, столом и тихим вечером. На руках не было крови, волдыря и разбитых костяшек.

Макар налил воды и через десять минут уже стучал в соседнюю калитку. Михаил сидел на кухне с телефоном. Макар рассказал всё одним куском: лес, чёрное дерево, несколько часов рубки, трое за груз, двое убитых, Игорь убит третьим.

Михаил переставил кружку к стене.

— Ты очень спокойно это говоришь.

— Это игра. Игорь должен быть на Земле. Наверное. А вот что осталось с его персонажем — не знаю.

Михаил не стал вытаскивать из него подробности. Макар снова увидел свои чистые ладони и вспомнил, какими скользкими они были там.

Через некоторое время сказал:

— Дерево я всё-таки дотащил.

Михаил только покачал головой.

Интерлюдия. Стена

К рассвету Равек уже знал два десятка способов задать один и тот же глупый вопрос. Можно ли ночевать за Стеной?

Одни спрашивали осторожно. Другие — с усмешкой, будто проверяли местных на трусость. Третьи уже всё решили и хотели только услышать подтверждение. Равек отвечал одинаково:

— Можно.

Если ждали продолжения, он его не давал.

Людам не нравился такой ответ. Им хотелось правила, запрета или обещания. Лучше всего — цифры: сколько нужно бойцов, какое оружие, через сколько часов появляются самые опасные твари. Равек не знал таких цифр. Лес тоже. За несколько дней пришлых стало столько, что лица перестали запоминаться. Равек различал их скорее по привычкам. Эти тащили слишком много железа. Те экономили на воде. Вон та пятёрка каждый день выходила дальше прежнего и возвращалась до заката. А вчера сразу несколько групп не вернулись к закрытию ворот.

Их записали как оставшихся снаружи. На этом вечерняя смена закончила разговор. Теперь над лесом серел рассвет. Равек стоял на внешней галерее Стены, жевал жёсткий хлеб и смотрел на очищенное поле перед городом. Полосу между Стеной и лесом держали пустой не для красоты. Траву вы-

жигали, кусты вырубали, молодые деревья не оставляли. Всё, что выходило из чащи, должно было несколько сотен шагов идти на виду.

Внизу сменяли ночной караул. У ворот ругался возчик, которого не пускали наружу до полной передачи смены. Двое рабочих проверяли цепь подъёмного механизма. На соседней башне воздушник сидел на ящике и грел руки о кружку. Обычное утро. Первого бегущего Равек заметил потому, что тот появился один. Человек вылетел из леса, споткнулся на границе очищенной полосы и едва не упал. Щита у него не было; одну руку он прижимал к боку.

Равек перестал жевать. Через несколько секунд из той же части леса вышли ещё трое, потом двое правее, а дальше — сразу человек десять. Никто не держал строй; каждый бежал как мог.

— Старший, — сказал Равек.

Сменный начальник уже смотрел туда. Из чащи показалась женщина. За ней мужчина почти тащил другого, но через несколько шагов бросил его и побежал дальше. Равек положил хлеб на камень.

— Это вчерашние?

— Часть.

Начальник не стал считать. Лес шевельнулся снова. Первый хищник выскочил низко над землёй: длинное серое тело, передние конечности заметно длиннее задних, широкая пасть почти до ушей. Он шёл за одиночным беглецом, но че-

ловек уже оторвался. Следом появились ещё два. На галерее кто-то выругался.

Угроза была уже видна. Колокол ударил над воротами. Отдельного приказа на закрытие не понадобилось. Внизу люди у механизма схватились за рычаги. Возчик бросил спор и начал разворачивать телегу внутрь города. Стража очистила проход. Лучники и арбалетчики заняли зубцы, не толкаясь и не выясняя, кому куда вставать. Воздушник поставил кружку на пол.

Равек уже натягивал лук. Пришлые на поле слышали колокол. Кто-то обернулся на Стену. Потом увидели, как створки начали сходиться. Бежать стали быстрее.

Лес тем временем продолжал выдавать не одну стаю, а всё, что поднял ночной шум. За серыми хищниками из другой части чащи выскочили более высокие твари — узкие, длинноногие, с тёмными полосами по бокам. Одна сразу бросилась к раненому человеку. Вторая рванула туда же, но встретилась с серым хищником над телом. Они сцепились. Серый перевернулся через бок, полосатая тварь вцепилась ему в шею.

Третья остановилась на краю открытого поля, посмотрела на драку и не пошла дальше. Над деревьями появились крылатые, чёрные снизу, с широкими неподвижными крыльями. Они кружили выше стрел и пока не снижались.

— Передних серых! — крикнул начальник. — Полосатых у ворот! Остальных не тратьте!

Равек выбрал ближайшего. Стрела вошла в бок. Тварь сбилась, но продолжила. Второй лучник попал ниже шеи. Она упала.

Арбалеты хлопнули почти одновременно. На поле один из бегущих вскрикнул и повалился. Двое рядом даже не остановились. Створки сходились медленно и неумолимо. До ворот успели первые. Стража хватала их за ремни и затаскивала внутрь, сразу отбрасывая дальше от прохода. Один человек упал прямо между створками; его дёрнули за воротник так резко, что рубаха треснула.

Следующий проскочил боком. Потом ещё двое.

— Пятнадцать шагов! — крикнул наблюдатель сверху.

Равек выпустил вторую стрелу. Промых. Не было времени злиться. Снизу уже несли новый колчан. Слева воздух ударил так, что Равек почувствовал толчок даже на галерее.

Воздушник стоял на соседней башне, обеими руками держась за короткий посох. Перед группой серых хищников будто врезалась невидимая стена. Трёх швырнуло в стороны. Ещё двое столкнулись между собой. Бегущие выиграли несколько секунд. Воздушник сразу поднял посох снова.

На этот раз плечи у него заметно дрожали. Вторым удар вышел слабее. Одну тварь опрокинуло, ещё две только сбились с шага. Рядом женщина в красно-коричневом плаще прижала ладонь к камню зубца. На поле прошла трещина.

Земля перед приближающимися зверями поднялась неровным валом высотой по колено. Первый перепрыгнул.

Второй зацепился грудью и кувыркнулся. Стрелы встретили его уже лежащим. С другого участка Стены пришёл короткий жаркий хлопок. Бело-оранжевая вспышка ударила в тварь почти у самого рва. По коже побежало пламя. Зверь пронёсся ещё несколько шагов и рухнул.

Маг у зубца тяжело опёрся на камень. Вторую вспышку он сделал меньше. Третьей не было. Створки почти сошлись. Последние люди рванули к щели.

Двое успели. Третий прыгнул вперёд, но между створками оставалось уже меньше ширины плеч. Он отскочил, чтобы не попасть под дерево, и побежал вдоль Стены. Ещё несколько человек оставались дальше на поле. Механизм дошёл до упора. Засов пошёл в гнездо.

— Закрыто! — крикнули снизу.

С этого момента ворот больше не существовало как путь. Равек перевёл прицел на серую тварь, шедшую слишком близко к основанию Стены. Выстрелил. Попал в плечо. Она не остановилась.

Вторая стрела сверху вошла ей за лопатку. Тварь завертелась на месте. Человек, бежавший вдоль стены, воспользовался этим и оторвался на несколько шагов. Равек не следил, куда он добежит. Справа полосатая тварь полезла к рву.

Вот она была сейчас важнее. Арбалетный болт ударил её в грудь. Она упала почти у самой кромки. Ниже кто-то крикнул:

— Лестницу справа убрать!

Рабочие уже тянули наружную секцию вверх. Поле постепенно ломалось на отдельные маленькие бои.

Серые хищники больше не преследовали только людей. Двое рвали полосатую тварь. Ещё один тащил тело к лесу. Полосатые, потеряв скорость под стрелами, начали отходить в стороны. Крылатые опустились ниже. Одно попыталось сесть возле мёртвого зверя. Стрела ударила рядом. Существо взмыло обратно.

— Не трать на падальщиков, — сказал соседний лучник.

Равек уже видел другую цель. Выстрелил и снова промахнулся. Сосед выругался себе под нос, но отвлекаться было некогда.

На соседней башне воздушник сел прямо на каменный пол. Кровь шла из носа. Он попытался подняться. Сменный начальник рявкнул:

— Вниз.

— Я ещё могу...

— Не можешь. Вниз.

Воздушник спорить не стал. Женщина, поднявшая вал, сидела у зубца и дышала через рот. Пальцы у неё мелко тряслись. Когда одна из тварей полезла через земляную преграду, она даже не попыталась повторить приём. Огненный маг тоже больше не бил. Работали луки и арбалеты.

Животные сами начали расходиться. Одни утаскивали добычу. Другие отходили от Стены. Полосатая тварь, раненная в заднюю ногу, поползла обратно к лесу и тут же подверну-

лась серому хищнику. Тот бросился на неё вместо того, чтобы продолжать к городу. Над полем кружили крылатые.

Шум спадал. И тогда из леса вышло нечто совсем другое. Равек сначала увидел движение ветвей. Потом тяжёлую спину. Тварь остановилась на самой кромке очищенной полосы. В несколько раз массивнее серых хищников, низкая в передней части, с широкой головой. По бокам головы выступали две костяные пластины, похожие на тупые лопасти.

Она не побежала: постояла на кромке, посмотрела на поле, Стену и крылатых над телами. Равек медленно положил новую стрелу на тетиву.

— Не стрелять, — сказал начальник.

Никто не выстрелил. Большая тварь постояла ещё несколько секунд, развернулась и ушла в лес. Равек проводил её взглядом.

— Знаешь, что это? — спросил начальник.

— Нет. И хорошо, что оно ушло.

* * *

Ворота не открыли сразу после того, как поле затихло. Сначала ждали, потом сверху проверили кромку леса. Лишь после этого наружу вышла городская группа: длинные копья, щиты, двое стрелков, маг и рабочие с верёвками и крюками.

Они не разбредались. Сначала прошли вдоль Стены и добили двух раненых тварей, способных подняться, затем занялись людьми. Трёх нашли живыми и унесли на простых носилках.

Мёртвых складывали отдельно. Тела зверей оттаскивали крюками, кровавую землю засыпали золой и свежей землёй, то, что уже привлекало крылатых, собрали подальше от ворот и сожгли. На несколько часов внешнее поле снова стало рабочим местом.

Когда кромка леса успокоилась и участок можно было просматривать, ворота вернули в обычный режим. К этому времени у выхода стало заметно меньше пришлых, а вопросы изменились.

У писаря уже спрашивали цену проводника и маршрут с возвращением до темноты. Двое пересчитали воду и один сразу ушёл обратно на рынок. Мужчина без оружия искал дневную работу внутри города. Другой искал кузнеца, который приведёт в порядок старый нож. У доски с объявлениями спрашивали цену места в группе, число опытных и время возвращения.

Слово «монстры» Равек за всё это услышал один раз.

А вопрос «где заработать, если далеко не ходить?» — уже третий.

Он взял свежий колчан и поднялся на галерею. На очищенном поле темнели пятна золы. Дальше стоял тихий лес, будто утром оттуда никто не выбегал.

Глава 4. Цена смерти

Макар проснулся раньше будильника и первым делом заметил отсутствие боли. Несколько секунд он лежал на спине, ожидая, что правое плечо отзовется тяжестью, ладони — жжением, разбитая губа потянет при первом движении. Ничего. Он поднял руки: кожа целая, на костяшках ни ссадины, на ладонях ни волдыря. Земное тело не таскало чёрный ствол и не валялось в мокрой листве с человеком, который пытался его зарезать, но память всё это сохранила.

Макар сел на кровати. Вчерашняя поляна вернулась сразу: топор, чужой щит, Игорь с палицей, тёмноволосый парень, короткий взмах. Он не стал раскручивать это дальше. Сходил в душ, заставил себя позавтракать и только потом взял телефон. Сообщений от Игоря не было. Макар открыл контакты, хотя заранее знал результат. Ни номера, ни фамилии, ни ника. Они успели вместе уйти за Стену, несколько часов валить дерево и один раз чуть не умереть от собственной глупости с водой, а телефонами так и не обменялись.

— Отлично сработано.

Телефон лёг на стол. Макар закрепил обруч, поставил чип за ухо и вернулся.

* * *

Боль встретила раньше комнаты. Правое плечо налилось тяжестью. Ладони защипало под вчерашними повязками.

Колено при первом движении отозвалось тупым ударом, а губа потянула засохшей коркой. Старый открыл глаза. Жёсткий тюфяк. Ставни. Деревянный потолок. То же тело.

Он осторожно сел и выдохнул через зубы.

— Вот ты где.

На столе лежала палица Игоря. Рядом — его нож, фляга и сумка. Деньги Старый вчера убрал отдельно, не смешивая со своими. Чужой меч стоял у стены. Топор — рядом. Старый проверил комнату ещё раз, будто за ночь вещи могли изменить количество, потом спустился. Засохшую кровь Збруй заметил ещё на лестнице.

— На стул с подушкой не садись. Сюда.

Он указал на свободный стол у стены.

— Еда и баня. За воду и дрова два соттона. Стирать будешь сам.

— Давай.

Збруй отвернулся к кухне.

Через несколько минут перед Старым стояли хлеб, мясо в густой подливе и кружка слабого пива. Есть хотелось сильнее, чем он ожидал. Йордское тело явно не впечатляло то, что Макар утром завтракал на Земле. Он успел вычистить половину миски, когда дверь открылась. Тавр вошёл без доспеха, но с мечом. Остановился у стойки, коротко переговорил со Збруем и заплатил за еду. Он заметил Старого уже за едой, подошёл и сел напротив, положив ножны так, чтобы они не мешали проходу.

— Вчера у ворот спрашивали про человека, который при-
тащил чёрный ствол. Двое. Ищут третьего из тех, кто на вас
вышел.

Старый перестал жевать.

— Стража?

— Нет. Караульные тех троих запомнили: не первый раз
возвращались с чужим железом. За драку за Стеной тебя ни-
кто искать не станет. Адрес продадут — могут.

Збруй принёс Тавру миску. Тот начал есть.

— Слышал это у ворот, — добавил он. — Заодно запом-
нил тебя. Моя запись скоро кончается, собираю отряд. Смот-
рю, кто из пришлых умеет возвращаться. Ты вернулся один,
груз дотащил, вещи товарища принёс, двоих положил. И по-
лез туда вдвоём почти без подготовки. Всё это считается.

Старый отложил ложку.

— Третьего искать надо.

— Сегодня нет. Ты выжат, город знаешь два дня, а тебя
уже ищут. Завтра решишь сам.

Тавр доел, вытер нож о хлебную корку и встал.

— Если понадобятся люди — через Збруя. Сначала рабо-
та, потом цена.

Старый предложил заплатить за предупреждение.

— Сегодня ничего, — отказался Тавр и ушёл.

* * *

Баня оказалась маленькой пристройкой во дворе. Збруй
показал бочку с водой, полку с мылом и верёвку для мокрой

одежды.

— Полотенце в комнате. Потеряешь — заплатишь.

Старый долго отмывал руки. Вода сначала стала розовой, потом серой. Рубаху пришлось тереть отдельно; несколько пятен остались, сколько ни мучай ткань. После горячей воды особенно хорошо чувствовалось, что именно вчера досталось телу. Плечо ныло глубоко. На бедре расплывался синяк. Под повязкой на ладони кожа лопнула в двух местах. Утром на Земле ничего этого не было.

Старый оделся в ещё влажную рубаху и вернулся в комнату. Игоровы вещи оставил отдельно. Добычу разложил по назначению: два кошелья — к своим деньгам, меч, два ножа и копейный наконечник — в старую ткань. Топор оставил себе. Три снятых ремня всё ещё держали чёрный ствол во дворе; кольчуга, щит и длинное древко второго копья остались в лесу. Со свёртком железа Старый пошёл к Здравко.

* * *

Торговец первым заметил свёрток.

— На стол.

Старый развернул ткань. Здравко взял меч первым. Проверил кромку ногтем, посмотрел пятую клинка, снял ножны и заглянул внутрь.

— Чужая кровь?

— Уже бывшего владельца.

— Мне всё равно, чья. Счищать придётся.

Он положил меч отдельно. Ножи оценил быстрее. Один

сразу отодвинул в сторону.

— Этот не возьму по хорошей цене. Кончик поведён.

— Сколько по плохой?

Здравко назвал. Старый назвал больше.

— Ты два дня здесь, а торгуешься уже как будто я тебе должен.

— Учусь.

— Учись на своих деньгах.

Копейный наконечник заинтересовал его сильнее ножей. Здравко покрутил ремennую перевязь, проверил втулку.

— Это продам.

— Тогда считай всё.

Здравко пересчитал ещё раз. Три круга ушли на торг, прежде чем они сошлись. Три сатина и четыре сетинна. За железо, которое вчера пытались его убить, сумма была вполне приличной. Здравко отсчитал монеты.

— Если за Стеной попадётся редкая вещь, — сказал Старый, — не хочу каждый раз бегать по рынку и искать покупателя.

Здравко перестал складывать ножи.

— Если ты цену знаешь и покупатель у тебя есть — покупаешь первым, — продолжил Старый.

Торговец подумал недолго.

— Если у меня уже есть сбыт, дам на десятую часть выше моей обычной закупки. Мне выгодно, чтобы товар шёл через одну дверь и без беготни. Если цену не знаю — так и скажу.

Могу свести с тем, кто знает, за долю.

— Долю какую?

Здравко назвал.

— Жирно.

— Тогда сам ищи нужного человека в городе, где ты живёшь третий день.

Старый протянул руку.

— Ладно.

Здравко пожал её и сразу занялся купленным мечом. Старый уже завернул пустую ткань, когда торговец сказал:

— Про тебя вчера спрашивали, — сказал Здравко, не отрываясь от меча. — Двое. Хотели знать, где ночует человек с чёрным деревом.

Старый перестал сворачивать ткань.

— Ответил?

— Нет. Адреса покупателей не продаю. Мне невыгодно терять тех, кто приносит товар.

Здравко снова занялся клинком.

* * *

Под навесом «Старого пня» лежали чёрный ствол, две прямые ветви и грубо собранное в лесу копьё. Старый первым взял копьё, проверил крепление и провёл ладонью по тёмному древку. Его он не продавал.

Збруй за несколько соттонов указал на возчика, который иногда таскал по кварталу бочки и мешки. Возчик сразу назвал цену за длинный груз, тележку и свои руки. Старый до-

бавил ещё немного за второй конец. Три ремня с мёртвых пригодились снова. Ими ствол притянули к тележке; две запасные ветви уложили сверху. Чёрное копьё Старый нёс сам. У плотника уже работали.

Подмастерье позвал мастера дважды, прежде чем тот вышел. Увидел ствол — и перестал ворчать. Сначала осмотрел торец. Потом места зарубок. Ножом снял тонкую стружку вдоль волокна, согнул её между пальцами и попробовал надрезать поперёк.

— Вы это обычным топором валили?

— Сначала.

— Видно.

Он прошёл вдоль ствола, отметил пальцем две трещины, потом взял одну из прямых ветвей.

— Эти тоже продаёшь?

— Две — да.

— А копьё продаёшь? — спросил плотник.

— Нет. Та же древесина.

Мастер не спорил. Развернул копьё к свету, не забирая из рук.

— Сыро сделано.

— В лесу было не до красоты.

— Переделаешь посадку, когда высохнет. Иначе потом наконечник начнёт гулять. У огня не суши.

Он вернулся к стволу. Цена появилась только после второго осмотра.

— За ствол и обе ветви — восемь сатинов.

— Девять.

— На стволе зарубки поперёк. Один край поведён. Ветви хорошие, но одна тоньше.

— Девять.

Плотник ещё раз осмотрел тёмный срез.

— Восемь и шесть сетиннов.

— Девять, и тележку разгружаете вы.

Мастер фыркнул.

— Девять. Тележку тоже.

Договорились. Подмастерья начали снимать ремни. Старый забрал все три и свернул в тугой моток.

Девять сатинов легли в кошель тяжёлой горстью. Вчера за этот ствол они с Игорем несколько часов махали топорами, тащили его через лес и дрались на обратной дороге. Игорь до города не дошёл. Старый затянул ремень на кошеле, закрепил чёрное копьё на плече и ушёл.

* * *

До трактира он не пошёл. День только перевалил за середину. Старый купил простую рубаху у торговца готовой одеждой — Збруй был прав, ходить в одной окровавленной было глупо. За лавкой переоделся, старую рубаху свернул пятном внутрь и убрал: выбрасывать целую вещь из-за крови казалось расточительством даже сегодня.

Потом он ещё долго бродил без цели. У Стены менялась рабочая команда. Каменщики поднимали наверх корзины с

раствором. На перекрёстке телега с мукой встала поперёк улицы из-за лопнувшей кожаной тяги, и через минуту вокруг уже ругались возчик, хозяин лавки и человек, которому перегородили вход.

Старый задержался посмотреть. Возчик не стал искать мастера. Снял целую тягу с другой стороны, бросил мальчишке-мельнику и сказал:

— Кожевнику у красной крыши. Такую же. Быстро.

Мальчишка убежал. Пока ждали, двое прохожих за медяк помогли сдвинуть телегу к стене. Лавочник перестал ругаться, когда вход освободили. Через четверть часа мальчишка вернулся с новой тягой и сдачей. Старый нащупал свёрнутые ремни у себя за поясом. Один уже начал трескаться у пряжки. Красную крышу он заметил. Зашёл к кожевнику и за несколько соттонов купил короткий запасной ремень с простой пряжкой. Обычная вещь, зато в следующий выход сумка не должна была развалиться из-за одного старого ремня. Уже у двери Старый заметил на стене короткую стёганую безрукавку. Она выглядела тяжелее обычной одежды; под тканью прощупывались узкие железные пластины.

— Это?

Кожевник снял её с крюка.

— Дорожная защита. Грудь и бока держит лучше куртки. Руки свободны. Не кольчуга.

— Сколько?

— Два сатина.

Вчера Старый назвал бы дорого. Сегодня вспомнил, как топор вошёл Игорю под рёбра, и троих на лесной дороге.

— Беру.

Безрукавка села плотно поверх рубахи. Плечо сразу напомнило, что оно ещё болит, но руки поднимались свободно. Старый заплатил и вышел на улицу. Мучная телега уже уехала. У рынка было больше пришлых, чем вчера, и говорили они иначе — хотя не все. Один парень всё ещё доказывал троим знакомым, что если собрать двадцать человек с копьями, лес перестанет быть проблемой. Зато у лавки с дешёвыми флягами стояла очередь. У доски проводников спорили о цене дневного выхода. У оружейника женщина выбирала короткое копьё и спрашивала, можно ли сменить древко, если треснет.

Старый остановился, услышав знакомое слово.

— ...семь дней, говорят.

Двое пришлых разговаривали у стены дома. Один был в новой местной куртке, второй всё ещё в земной толстовке.

— Те, кого вчера положили за воротами, уже с Земли пишут, — говорил первый. — Неделю войти не даёт. Потом новый заход.

Третий, стоявший рядом с миской уличной еды, добавил:

— И точка может быть новая. На форуме уже сделали «Найди меня»: город, имя, где виделись.

Старый подошёл ближе.

— Это от погибших?

— От них и от знакомых. С утра все об этом говорят.

Этого хватало, чтобы выйти на Землю и проверить Игоря самому.

* * *

В комнате он поставил чёрное копьё у стены рядом с кроватью. Игоревы вещи по-прежнему лежали отдельно. Старый коснулся палицы, вызвал выход и через несколько секунд открыл глаза дома. Земное тело снова было совершенно нормальным. Макар даже не вставал с кресла. Снял обруч, взял телефон и нашёл официальный раздел поддержки «Грани».

Слух оказался почти точным. Уничтожение тела в Йорде не убивало человека на Земле, но погибшая местная личность считалась утраченной. Подключиться снова разрешалось через семь суток, причём требовалась новая платная активация: новое тело, новая местная личность, заново выбранная точка появления без гарантии прежнего города или даже государства. Имущество, документы, знакомства и права старой личности автоматически к новой не переходили.

Макар перечитал последнее дважды. Неделя сама по себе была неприятной; потеря места, людей, имущества и новая точка появления стоили куда дороже. Он открыл «Найди меня». Форма просила место, имя, обстоятельства и сообщение.

Макар написал: «Игорь. Стригг. Первый выход за Стену. Вместе валили чёрное дерево. Ты был с палицей, я — Ста-

рый. На обратном пути трое напали. Если увидишь — ответь здесь». Подумал и добавил: «Твои вещи у меня». Опубликовал.

Ответа не было, и Макар его сразу не ждал. Он проверил, что сообщение появилось в поиске, положил телефон на стол и снова надел обруч. Земной визит занял меньше двадцати минут.

* * *

Правое плечо встретило его первым. Старый открыл глаза в той же комнате «Старого пня», переждал знакомую тяжесть и осторожно повёл плечом. Боль ответила сразу.

На Земле он мог выйти из этого тела. Тело от этого не становилось новым. За окном Стригт уже уходил к вечеру. Старый спустился вниз. Збруй поднял глаза от счёта на дощечке.

— Есть будешь?

— Буду.

— Тогда садись. Сегодня жаркое.

Никаких вопросов, куда он исчезал на несколько минут. Старый сел у стены. В зале стало люднее. За одним столом пришлые делили расходы на проводника. У двери двое местных спорили о цене зерна. Кто-то сверху звал работника трактира из-за протекающего кувшина. Старый ел медленно. В голове теперь лежали две новости, которые не нравились.

Его искали люди погибших. Игорь, если всё действительно произошло так, как писала поддержка, не мог вернуться

ещё неделю и потом мог появиться вообще не в Стригге. Зато на поясе висел тяжёлый кошель.

Чужие кошель с поля, девять сатинов за дерево, три сатина четыре сетинна за железо — первый выход принёс больше денег, чем Старый ожидал увидеть за один день. Плечо ныло, ладони саднили, а на столе наверху лежали вещи Игоря. После еды Старый поднялся в комнату. Проверил дверь, убрал свой кошель под одежду у изголовья и поставил чёрное копьё вдоль стены. Игоревы вещи не тронул. На улице стемнело. Где-то недалеко ударили молотком по металлу — три раза, с паузой. Потом замолчали. Снизу Збруй задвинул дверной засов.

Старый лёг. Ладони снова ныли. Плечо тянуло. За стеной кто-то тихо храпел. На Земле в «Найди меня» уже висело короткое сообщение для Игоря.

Здесь, в темноте, у кровати стояло чёрное копьё. Старый закрыл глаза. На этот раз выход не вызывал.

Глава 5. Морош

Утром плечо ныло меньше — не прошло, просто соглашалось работать, пока Старый не дёргал рукой резко и не поднимал тяжёлого. Он оделся, проверил чёрное копьё у кровати и оставил древко там: вчера его уже искали как человека с чёрным деревом, и носить по городу длинную чёрную палку означало самому показывать наблюдателям дорогу. Посадка наконечника всё равно оставалась временной; Старый снял железо, завернул в кусок ткани и сунул в сумку. Палица Игоря осталась рядом с его вещами; топор Старый сунул за пояс и прикрыл курткой.

Внизу Збруй протирал стойку. Старый сказал, что поест позже, и вышел на улицу.

Главные ворота Стригга были слишком очевидным местом: стража, проводники, носильщики, люди, которые ждали возвращающихся из-за Стены. Если молодой топорщик действительно привёл к Старому чужое внимание, лучше места для наблюдения не придумать. Тайный ход был не нужен; хватило бы выхода, о котором не знает первый встречный.

К Здравко Старый пришёл вскоре после открытия лавки. Торговец сидел за прилавком и счищал засохшую кровь с вчерашнего меча. Клинок лежал на тряпке, рядом стояла плошка с маслом. Здравко поднял глаза, узнал посетителя и

продолжил работу.

— Сегодня не продаю. Нужны сведения.

Здравко закончил движение тряпкой по клинку.

— Сведения обычно дороже железа.

— Есть путь за Стену не через главные ворота?

Здравко дочистил пятно на клинке и ответил:

— Есть ворота для службы. Есть дворы, через которые ходит городской товар. Есть старые ходы, про которые каждый второй врёт, что пользовался. Какой тебе нужен?

— Такой, где моё лицо не будут ждать у прохода.

— Тогда мне надо спрашивать людей. И не твоим именем.

— Сколько?

Здравко назвал цену за сам поиск. Небольшую, но неприятную именно потому, что платить приходилось за отсутствие результата.

— Если найду путь, которым действительно можно пользоваться, — добавил он, — отдельно договоримся за источник. Если найду сказку — скажу, что сказка. Деньги за работу всё равно мои.

Старый положил на стол монеты. Здравко сгрёб их ладонью.

— До завтра ничего не обещаю.

Колокольчик над дверью звякнул прежде, чем Старый успел ответить. Вошедшего он узнал сразу.

Худой тёмноволосый парень был тем самым третьим: ушёл от палицы Игоря, рубанул его под рёбра и убежал, уви-

дев своих на земле. Молодой тоже узнал Старого, затем заметил меч на тряпке, и лицо у него изменилось.

— Это меч Ратиша. Где ты его взял?

— Купил, — сказал Здравко.

— Был его, — добавил Старый.

Молодой перевёл взгляд на Старого. С улицы донёсся скрип тележного колеса.

Здравко положил тряпку.

— Оружие не достаёте. Ни один.

Молодой убрал руку от пояса. Здравко не сводил с него глаз.

— Ты двоих убил.

— Ты Игоря.

Молодой не стал оправдываться.

— Мы пришли за грузом. Вам дважды сказали бросить его и уйти. Игорь пошёл на меня с палицей.

Старый помнил слишком хорошо: кольчужник действительно повторил предложение, а топор первым бросил сам.

— Вы могли уйти оба, — сказал молодой. — Вы остались.

Шагнул он раньше, чем успел решить, что делает. Кулак в лицо не получился — молодой успел отвернуться, и удар пришёлся в скулу. Тот врезался спиной в стойку, оттолкнулся и ударил в ответ.

Вместо кулака Старый поймал предплечье и дёрнул на себя. Оба налетели на узкий стеллаж с ремнями. Дерево хрустнуло. Сверху посыпались пряжки, мотки шнура и какая-то

жестяная коробка.

Молодой ткнул головой в лицо.

Перед глазами вспыхнуло.

Старый отшатнулся, наступил на рассыпавшуюся пряжку и едва не сел на пол. Молодой пошёл следом. Старый встретил его плечом.

Боль прострелила старую ссадину так, что рука на мгновение ослабла. Они влетели боком в прилавок. Плешка с маслом опрокинулась. Вчерашний меч с лязгом упал на пол.

— ХВАТИТ!

Здравко ударил чем-то тяжёлым по столу. Грохот вышел такой, будто раскололась доска.

Оба дёрнулись.

Торговец стоял за прилавком с короткой железной полосой в руке. Не оружие — инструмент, которым он правил заклёпки. Но держал так, что проверять разницу не хотелось.

— Ещё один удар — зову стражу. И мне плевать, кто чей друг и кто кого вчера зарезал в лесу.

Молодой вытер кровь с губы.

— Он начал, — сказал молодой.

— Видел. Начал он, — ответил Здравко и указал железной полосой на дверь. — Ты — наружу.

Молодой не двинулся.

— Меч верни. Он краденый.

— Докажешь городской страже, что вещь твоя, — верну по их решению. Я назову продавца, цену и день сделки.

Молодой посмотрел на Старого.

— Это не закончилось.

— На улице заканчивай сколько хочешь, — сказал Здравко. — В моей лавке уже закончилось.

Тот вышел.

Здравко подождал, пока колокольчик перестанет дрожать, затем опустил железную полосу на прилавок.

— Кто он вообще? И кто вчера спрашивал обо мне?

Здравко присел за упавшим мечом, поднял его и вытер масло с клинка.

— Молодой — из Крестов. В лесу уже был с ними. Пришлые, деньги есть, людей собирают, в городе название знают. Те, кто ходил с вопросами, крутились возле той же компании, но я их к Крестам пока не пришиваю. По именам остальных не знаю.

Здравко снова провёл тряпкой по клинку. Старый сразу добавил второй заказ: кто у Крестов решает, сколько у них людей, где собираются и чем зарабатывают. Не слухи с рынка — только то, что можно проверить.

— Другой заказ, — сказал Здравко. — За выход ты уже заплатил отдельно.

Он назвал цену. Старый отсчитал половину вперёд; остаток договорились отдать только за что-то проверяемое. Пустой поиск всё равно стоил аванса.

Здравко убрал монеты, отложил меч и пальцем показал на сломанную боковину, разлитое масло и две погнутые пряж-

ки.

— Теперь это всё.

— За стеллаж плачу. За остальное будем спорить.

Здравко назвал сумму. Старый поморщился.

— Стеллаж столько не стоит.

— Стеллаж стоит меньше. Мой час, пока я его чиню вместо торговли, стоит остальное.

Спорить пришлось уже не из-за злости.

Сошлись ниже первой цены, но выше той, которую Старый считал справедливой. Он отсчитал деньги.

Здравко убрал их и присел за мечом.

— Деньги за поиск выхода тоже мои. И в следующий раз дерись снаружи.

Здравко уже собирал пряжки и больше на Старого не смотрел.

На улице хвост он заметил не сразу. Сначала один и тот же человек просто попался дважды: серо-коричневая куртка, широкая перевязь через грудь, шапка, несмотря на тёплое утро. У хлебной лавки — ничего особенного. Через две улицы, возле глиняной посуды, — уже повод проверить.

Старый свернул к рынку, прошёл вдоль ткани, задержался у точильщика, спросил цену и ушёл без ножа. Из площади вышел с другой стороны и остановился у сушёных трав, будто выбирал мешочек. Серая куртка появилась через полминуты.

Шаг он не ускорил. Перешёл улицу, через несколько ша-

гов вернулся, нырнул во двор с проходом между домами и вышел через другой проём. Человек не полез за ним сразу; появился в конце улицы позже. Либо умел держать расстояние, либо Старого вели не в одиночку. Проверить второе было нечем.

Здравко только что взял деньги за ответы, а Старый уже получил новый вопрос: наблюдают за ним Кресты, люди погибших или кто-то третий. Одно было ясно — вести неизвестного к «Старому пню» не стоит.

На следующем перекрёстке он увидел каменные ступени и вошёл туда, куда утром идти вообще не собирался.

Над широкой дверью не было одного знака. Их было много: молот, колосья, ладонь над волной, след дороги, узор из коротких линий, круг, перечёркнутый копьём, ещё несколько символов, которых Старый не понимал.

Это был храм всех богов.

На ступенях женщина положила маленький свёрток в нишу, коснулась пальцами камня и ушла. Ей навстречу вышел мужчина в рабочем переднике. В руке он нёс треснувшую металлическую деталь; оставлять её не стал, только провёл ею возле одного из знаков и убрал обратно в карман.

На противоположной стороне улицы серой куртки не было. Старый вошёл.

* * *

Внутри было прохладно. Справа шептались две женщины, у дальней стены мальчишка ставил в ряд глиняные чашки;

воск пах вместе с маслом и старым камнем. Статуи не выстраивались одним пантеоном для пришлого: большие стояли в нишах, маленькие — на отдельных постаментах, одни были затёрты руками, другие пылились.

Старый прошёл к ближайшей.

Каменный путник держал посох и круглый предмет вроде сложенного дорожного знака. У ног лежали монеты, узлы из шнура и несколько стёртых подошвенных гвоздей.

— Дороги, — сказал за спиной усталый голос. — Если следующий вопрос «даёт ли он быстрее ходить», то нет.

Старый обернулся.

Мужчина был старше пятидесяти, худой, с длинными волосами, стянутыми на затылке. Серое храмовое одеяние вытерлось на локтях. В одной руке он держал щипцы для фитиля, в другой — маленькую чашку с маслом.

— Я хотел спросить, зачем ему старые гвозди.

Мужчина посмотрел на подношения.

— Чтобы дорога держала обувь. Чтобы телега не развалилась. Чтобы человек вернулся. У кого что болит, то и несут.

Он нагнулся к лампе, поправил фитиль и пошёл дальше. Не приглашая за собой. Старый пошёл в другую сторону.

У следующей статуи лежали сухие колосья и мешочки с зерном. Фигура была женской, руки — широкие, рабочие, без украшений. Жрец, уже у следующей лампы, бросил через плечо:

— Урожай. Ещё кладовые и то, что не сгнило до зимы.

У другой фигуры была чаша, из которой тянулась длинная каменная струя. Перед постаментом оставляли гладкие камни, тонкие медные пластинки и маленькие закрытые сосуды.

— Реки, колодцы, дождь, — продолжил жрец. — Рыбаки и мельники тоже сюда.

Он снимал нагар с очередной лампы, а Старый наконец спросил:

— Значит, храм всем?

— Храм всем. Я храму.

У следующей статуи было слишком много сломанных наконечников и обрывков ремней. У другой — детские ленты, деревянные ложки, кусочки угля. Перед третьей кто-то оставил маленькую бронзовую чашку, а рядом записку, которую Старый не стал читать.

Люди входили, делали своё и уходили. Жрец отвечал, когда спрашивали, и снова возвращался к лампам.

В дальней части зала Старый остановился сам. Статуя была меньше соседних.

Невысокий широкоплечий мужчина из тёмного камня стоял без короны и без оружия. На поясе — нож, шило и маленькая пила. В одной руке молот, в другой — инструмент, похожий одновременно на клещи и циркуль. Лицо напоминало мастера, которому принесли готовую работу и теперь ждут ответа.

У подножия лежали стружки, куски проволоки, погнутые гвозди, сломанная ручка ножа, кусочек ткани с ровным

ШВОМ.

— Этот понятнее, — сказал Старый.

— Морош, — сказал жрец.

Имя Старый уже слышал где-то в городе, но не запомнил.

— Ремесло?

— Работа руками, мастерство, удачная вещь. Иногда — терпение закончить то, что начал плохо.

Жрец поставил чашку с маслом на край соседней ниши.

— К нему идут кузнецы, плотники, каменщики, ткачи. Кто-то приносит первую удачную вещь. Кто-то первую испорченную. Спорят, что правильнее, уже лет триста.

— А он сказал?

— Если бы сказал, спорили бы о том, что именно он имел в виду.

Старый провёл взглядом по грубому каменному молоту.

— Истории про него есть?

— Есть. Одну расскажу.

Он сел на низкую каменную скамью у стены и поставил чашку с маслом рядом.

— Говорят, в одном старом городе после пожара встал главный водяной подъёмник. Без него верхние улицы оставались без воды. Мастера три дня ругались, чья часть сломалась: дерево, железо, верёвка или каменная опора. Каждый доказывал, что его работа была правильной.

Старый прислонился плечом к колонне.

— На четвёртый день пришёл незнакомый мастер. Не на-

звался. Посмотрел. Потом спросил, кто из них умеет строгать, кто ковать, кто вязать канат и кто хотя бы способен молча держать фонарь.

— Они решили, что он будет чинить. А он раздал им работу. Одному велел снять ось, второму выбить новый клин, третьему заменить мокрую верёвку. Сам только правил то, что они приносили, и два раза заставил переделать. К ночи вода пошла. Тогда старший мастер спросил, как его отблагодарить.

— Незнакомец показал на кучу испорченных деталей и сказал: «Сначала разберитесь, почему сделали плохо. Потом благодарите». Утром его уже не было. На новом клине нашли знак Мороша.

Старый посмотрел на статую ещё раз — на инструменты в каменных руках.

— Нормальный, — сказал Старый.

Жрец оставил это без ответа. Старый подошёл ближе. Камень на груди Мороша был затёрт ладонями. Видимо, касались многие.

Под курткой у бедра коротко потеплел металл. Старый машинально прижал ладонь к сумке. Там лежал снятый утром наконечник чёрного копья. Тепло исчезло прежде, чем он успел решить, не показалось ли.

Он положил пальцы на холодную поверхность статуи.

Под ладонью прошла тонкая бледная полоска света — от пальцев к рукояти каменного молота. Один короткий след,

едва заметный в освещённом зале, заставил Старого отдернуть руку. Через мгновение камень снова был обычным.

Сзади звякнул металл. Жрец уронил щипцы.

Мальчишка у чашек поднял голову, но ничего не сказал. Две женщины у дальней стены продолжали шептаться — оттуда, похоже, света не увидели.

Жрец подошёл быстро. Усталость с лица исчезла.

— Не трогай. Что почувствовал?

Старый осмотрел ладонь.

— Только холодный камень. Ни боли, ни тепла, ни голоса.

Мирек — пока Старый ещё не знал его имени — коснулся статуи сам. Ничего. Провёл пальцами по тому месту, где прошёл свет, проверил лампы и высокое окно.

— Не от этих ламп. Дальше не знаю.

Слова дались ему заметно тяжелее обычного ответа.

— Двадцать семь лет я здесь. До меня мой учитель. Последний знак, который видели несколько людей и записали как ответ, был больше двухсот лет назад.

Жрец поднял щипцы с пола.

— Один раз уже ошибся. Второй раз гадать не буду.

Он повернулся к мальчишке у чашек.

— Никого к Морошу пока не подпускай. Скажи — масло меняем. Ещё раз.

Мальчишка подошёл к статуе. Жрец повернулся к Старому.

— Ты сюда зачем зашёл?

Старый посмотрел в сторону главного зала.

— За мной шли. Через ту дверь выходить не хочу. Чёрный ход есть?

Мирек уже открыл рот, чтобы отказать. Потом посмотрел на Мороша — на тот самый камень, по которому только что прошёл свет.

— Есть, — сказал он наконец. — Один раз. Идёшь за мной и ничего сам не открываешь.

Он назвал у боковой двери.

— Мирек.

— Старый.

— Это я слышал.

* * *

За дверью начиналась узкая лестница вниз. Первый пролёт ещё был обычным храмовым подвалом: масло, свечи, сухие травы. Ниже кирпич закончился. Стены сложили из больших тёмных блоков, подогнанных так плотно, что между ними не входил ноготь.

Мирек нёс лампу впереди и не останавливался. Только у первой большой развилки поднял свет выше. Здесь старый ход расходился сразу в три стороны.

Слева уходил широкий коридор.

— Этот идёт под кварталами к Стене и дальше. Наружный выход далеко от ворот.

Мирек назвал расстояние. Перевод дал чуть больше шести километров.

Старый сразу вспомнил Здравко. Утром он уже заплатил торговцу именно за поиск выхода, через который можно было бы оказаться за Стеной, не проходя городские ворота.

— Рабочий?

— Ход — да. На дальнем конце два замка. Ключи у разных людей. Просто так туда не ходят.

Справа темнела более узкая арка. Камень над ней пошёл трещинами, а пол заметно уходил вниз. Старый задержал взгляд.

Мирек сразу встал между ним и аркой.

— Туда вообще не ходи.

— Что там?

— Не знаем. Люди заходили. Не все вышли. Те, кто вышел, долго не прожили. Причину тоже не знаем. Этого достаточно.

Старый ещё секунду смотрел в темноту.

— Достаточно.

Третьим выходом была тяжёлая деревянная дверь прямо напротив. Мирек выбрал из связки ключ.

— А это старый храмовый дом. Через кладовую выйдем в другой квартал. Если твои ждали у главного входа, здесь их не будет.

Замок открылся тяжело. За дверью шёл короткий коридор вверх, потом ступени и деревянная крышка. Мирек толкнул её плечом.

Они поднялись в пустую кладовую. Пыль лежала на пол-

ках, на стене остались крючья без утвари. Из кладовой дверь вела в кухню, из кухни — во двор.

Дом был двухэтажный: камень внизу, дерево выше. Не развалина, но ставня перекошена, в печи треснула плита, во дворе под тяжёлой крышкой стоял колодец. У стены — хозяйственная постройка с целой крышей.

Старый подошёл к окну и через щель в ставнях посмотрел на улицу. Рынок здесь был уже другой. Серой куртки не было.

Погоню они скинули.

Он обернулся к двери в кладовую. Под ней оставался ход. Один конец — храм. Второй — запретная арка. Третий через несколько километров выходил за Стену. Именно такой выход Старый утром просил найти Здравко.

Мысль пришла сразу.

— Дом пустой?

— Второй год.

— Снять можно?

Мирек посмотрел на него, потом на открытую кладовую.

— Можно. Дом храмовый. Но сразу пойми: дом снимешь, ход твоим не станет. За Стену без разрешения не полезешь. В правую арку — вообще никогда.

— Сколько?

— Пять сатинов за месяц. Два — залог. Крыша, колодец и несущие стены — храм. Что ломаешь сам — своё. Наружный замок можешь заменить, старый вернёшь. Дверь вниз не

переделывать.

Старый отсчитал семь сатинов.

Мирек пересчитал, снял с кольца два ключа — от улицы и хозяйственной постройки — и протянул ему.

— Если дом сгорит, двух сатинов мне будет мало.

— Постараюсь тебя не разорить.

Мирек указал на дверь кладовой.

— А эту не трогай. Из храма она открывается моим ключом.

— Понял.

* * *

До «Старого пня» Старый вернулся уже после полудня. Збруй выслушал новость о переезде без видимого сожаления.

— Комната оплачена до вечера. Вещи заберёшь раньше — мне проще, — сказал он.

Старый нанял у соседнего двора маленькую ручную тележку на один рейс и сам поднялся в комнату. Чёрное копьё взял первым: вернул на древко снятый утром наконечник, обмотка подсохла и потемнела, но посадка всё ещё просила нормальной работы. Свои вещи уложил следом, сумку Игоря — отдельно, с палицей сверху.

Збруй появился в дверях и молча освободил проход для тележки.

Тележка скрипнула под весом вещей. До нового дома дошли без приключений. На рынке Старый задержался только

там, где действительно понадобилось.

Он купил пилу, молоток, пару стамесок, небольшой рубанок, масляную лампу, верёвку и новый наружный замок. Рукояти и металл отличались от привычных, но назначение инструментов было понятно сразу.

Старый брал только то, что не люфтило в руках и не просило ремонта раньше работы.

К вечеру денег стало заметно меньше, зато в доме появились свет, закрывающаяся дверь и инструменты. Старый сменил наружный замок, старый положил у входа — вернуть храму; сумку Игоря и палицу отнёс наверх, чёрное копье поставил в углу наконечником от прохода.

Потом спустился во двор и открыл хозяйственную постройку.

Внутри пахло сухой пылью и старым деревом. Под окном стоял стол, весь в зарубках. На первый взгляд — рабочий.

Старый положил на него кусок доски, найденный у стены, прижал ладонью и попробовал провести рубанком.

Стол ушёл от него на пол-ладони. Он вернул его на место, надавил сильнее. Одна ножка приподнялась. Старый подложил щепку. Попробовал снова. Теперь качнулась вся столешница.

Он остановился, ещё раз качнул стол и убрал рубанок.
— Нет.

Для еды такой ещё годился. Для работы — нет. Старый провёл ладонью по изрезанной поверхности. Нужен был нор-

мальный верстак.

Глава 6. Мастерская Старого

К полудню у Старого вместо ездившего по полу старого стола стояла тяжёлая рабочая столешница на клиньях. Вместе с ней он купил то, чего не хватало после первых дней: ручной буравчик, две стамески, нормальный молоток, рашпиль, пилу, клещи, несколько напильников, ремни, клей и ящик дешёвого крепежа. Часть взял новой, часть — с рук. На рынке местные инструменты выглядели привычно ровно до тех пор, пока не начинал спрашивать цену.

Плотник, который привёз верстак, выбрал место у окна и велел подложить под одну опору дубовый клин. Старый качнул столешницу — не двигалась.

— Через неделю ещё проверь, — сказал плотник и ушёл. Старый закрыл калитку и больше обустройством мастерской не занимался.

Первым на верстак лёг наконечник чёрного копья.

Лесная сборка держалась, но оставалась лесной: грубая посадка, кожа, которой они с Игорем затягивали железо на ходу, следы ударов. Старый снял обмотку, выровнял место хвата, посадил втулку глубже и понял, что без отверстия под штифт дальше будет только портить хорошее дерево.

С втулкой Старый сходил к Гринько. Кузнец пробил отверстие, подобрал простой штифт и протянул всё обратно.

— Сначала просверли дерево. Иначе расколешь.

Через час наконечник сидел мёртво. Старый проверил копье во дворе, уперев в старую доску, несколько раз сменил хват и поставил оружие к стене.

Двор через улицу тем временем окончательно занял Тавр. Щиты появлялись у стены по одному и по два, люди приходили за работой, уходили сопровождать купцов, возвращались грязными, иногда побитыми. Серж всё чаще стоял у ворот и уже без вопросов понимал, кого пустить внутрь, а кого оставить ждать на улице.

Окно мастерской смотрело прямо на двор, и несколько дней Старый между своими делами видел, как Тавр превращает случайную группу наёмников в отряд, который уже умеет жить без постоянной команды.

На четвёртый день Тавр сам зашёл в сарай. Чёрное копье стояло у стены.

— Переделал?

— Довёл.

Тавр взял оружие только после того, как Старый протянул. Проверил втулку, штифт и вернул.

— Лучше.

— Я не мастер. По железу дальше к Гринько.

— Зато людей собирать умеешь. Мне нужны адреса. Нормальная древесина, железный лом, кожа кусками, смолы. Нужны места, где закупаются мастерские.

— Я не торговец.

— Зато твои люди полгорода ногами измерили.

— Серж соберёт. Полдня.

— Сколько?

Они поторговались недолго. На следующий вечер Серж принёс сложенный лист: несколько адресов, возле каждого — что там действительно продавали и когда лучше придти.

Старый убрал бумагу за пазуху. Серж дождался, пока тот просмотрит адреса, и ушёл — работа была сделана.

На Землю Старый выходил каждый вечер ненадолго — проверить «Найди меня».

На третий день под его объявлением висело сообщение:
`Жив. Нашёл. Ты придурок, дерево того не стоило.`

Старый прочитал сообщение дважды. Ниже был номер, и он позвонил сразу.

— Алло.

— Игорь?

— Живой. Злой, но живой.

Голос оказался тем же. Этого хватило.

— Твои вещи у меня. Палица и деньги отдельно.

— Их не трогай. Остальное потом разберём.

Старый назвал цену, за которую продал чёрное дерево. На том конце ненадолго замолчали.

— За эти деньги всё равно второй раз не пойду, — сказал Игорь.

Старый не спорил.

Они ещё минуту проговорили про таймер нового входа

и возможную новую точку появления. Решить заранее всё равно ничего нельзя было.

— Когда зайду снова, сначала найду тебя или Стригг, — сказал Игорь. — А потом уже будем думать, куда лезть.

— Договорились.

Связь оборвалась. Теперь у Старого был номер, а не только сумка вещей Игоря на втором этаже.

Вернувшись в Йорд, Старый застал у калитки мальчишку от Здравко. Тот передал коротко: оплаченные сведения готовы, прийти можно в любое время.

Старый снял со стены чёрное копье, запер мастерскую и пошёл к рынку. Здравко, похоже, закончил проверку по Крестам.

Глава 7. Крестоносцы

Здравко не ждал его у двери. Старый пришёл — торговец как раз спорил с женщиной из-за трёх мотков ременной кожи. Женщина утверждала, что средний намок только по дороге. Здравко молча согнул его пополам, показал тёмную полосу у сердцевины и сбавил цену ещё на десять сетиннов. Женщина забрала два сухих мотка. Третий оставила.

— Минуту, — сказал Здравко, не бросая мокрую кожу.

Он отнёс её на нижнюю полку, вытер руки и снял с крючка узкую деревянную дощечку с несколькими короткими записями. Дощечку положил перед собой.

— Сразу: своими глазами видел одно, остальное собрал у людей. Где слух — скажу, что слух.

Старый опёрся локтем о край прилавка.

— Давай.

Здравко постучал ногтем по первой отметке.

— Кресты. Пришлые. Ядро — человек пятьдесят, может шестьдесят. На рынке уже рассказывают про две сотни. Я видел двор в разные дни, мои люди тоже; два поставщика возят им товар. Больше шестидесяти постоянно я там не видел.

Он сдвинул дощечку на палец.

— Вокруг ядра людей больше, но там уже каша. Кто-то ходит с ними иногда, кто-то берёт их заказы, кто-то учится у них и ещё не носит знак постоянно. Есть продавцы, кото-

рые сначала показывают товар им, потому что там деньги и покупатели. Считать всех такими же Крестами я не буду.

Здравко перешёл к следующей отметке.

— Набор есть. Вход — девять сатинов. Так сказали двое, которые сами платили. Три получает тот, кто привёл нового человека, остальное остаётся у Крестов.

— Пирамида, — сказал Старый. По лицу Здравко было видно, что слово ничего ему не дало. — Земное. Неважно.

— Тут всё проще: привёл полезного человека — получил деньги. Дальше у новичка доступ к их двору, тренировкам, части снаряжения, группам на выход, заказам и покупателям. Только не начинай потом рассказывать, что я обещал каждому бесплатный меч. Часть оружия дают под работу, часть продают своим дешевле, часть надо вернуть. Условия разные.

Здравко продолжил:

— У них есть складские места. Не знаю, всё ли принадлежит им; часть точно снята за деньги. Берут заказы на охрану, доставку, добычу за Стеной. Покупают то, что можно перепродать. Учат новичков держать строй, щит, копье. Сводят людей в группы.

— И дают тех, кто не с ними?

— Двух таких знаю сам. Про остальных — чужие слова.

— Я продаю то, что узнал. Не больше.

Торговец перевернул дощечку. На другой стороне было всего три строки.

— Теперь то, что тебе, похоже, действительно нужно.

— Обычные выходы за Стену они чаще делают через северные ворота. Двор ближе к той стороне, и часть их людей сидит там же. Уходят утром и днём, возвращаются как получится.

Здравко показал вторую строку.

— Белая ткань с крестом на рукаве — самый частый знак. У некоторых нашивка на куртке, у кого-то маленький крест на ремне или шее. Белую тряпку любой пришьёт, так что одиночного человека перепутаешь. Группу обычно видно.

Третья строка.

— Малые выходы — по трое, по четверо, по пятеро. За серьёзной добычей или дальше в лес ходят больше. Я видел девять. Мне говорили про двенадцать. Вооружены как люди, у которых есть деньги, но не бесконечные: мечи, копья, щиты, иногда лук или арбалет. Некоторые собраны хорошо, некоторые первую нормальную вещь неделю назад купили.

— Тройки часто ходят?

— Часто. В малой группе командует тот, кого слушают. Если про Крестов вообще — нашёл два имени по деньгам и людям и ещё одного старшего по выходам.

Старый не потянулся за дощечкой.

— Имена потом.

Здравко убрал палец с записи. Настаивать не стал.

Про молодого тёмноволосого Старый не спросил, хотя Здравко наверняка мог поискать и его жильё, товарищей,

обычные выходы. Кресты приходили за грузом, позже кто-то расспрашивал о Старом в городе, затем появился хвост. Между этими вещами оставались дыры, но пока хватало и их.

Здравко перевернул дощечку обратно.

— Теперь по другому выходу.

— За служебные ворота без причины не пролезешь. Там городские люди и свои порядки. Про старые ходы мне принесли четыре рассказа. Три — мусор. Четвёртый ведёт к храмовым подвалам, но человек сам дальше кладовых не ходил.

— Значит, пусто.

— Значит, я не продам тебе сказку как дорогу.

Он подвинул к Старому несколько монет. Часть аванса.

— Источнику платить не пришлось. Остаток.

Старый убрал монеты.

— Кресты знают, что ты собирал про них?

— Если бы знали, цена была бы выше.

Здравко снял со стола дощечку.

— Вернёшься — заходи.

* * *

К вечеру он стоял в кладовой своего дома перед нижней дверью. Мирек сказал её не трогать и отдельно предупредил: ход за Стену закрыт двумя замками, ключи лежат у разных людей.

Старый поставил лампу на пол. На его стороне двери не было замочной скважины. Был железный рычаг старого

внутреннего запора. Он ещё в первый день заметил его, но тогда не стал проверять. Теперь нажал.

Рычаг пошёл туго; где-то внутри дерева щёлкнуло, и дверь приоткрылась на палец. Старый постоял, глядя на щель.

— Ну да.

Замок стоял со стороны храмового коридора: из дома дверь позволяла выйти, а возвращение было уже другой задачей. Старый закрыл её, снова открыл и на этот раз проследил за язычком. При захлопывании тот сам входил в ответную пластину; снаружи требовался ключ, из дома — только рычаг. Для храма удобно. Для арендатора, которому прямо сказали туда не ходить, — не особенно.

Старый закрыл дверь и отложил проверку до утра. Сначала надо было собраться.

* * *

Перед рассветом в городе было прохладно. Старый поел заранее. В сумку положил хлеб, сушёное мясо, две полные фляги, верёвку, маленький масляный пузырёк, кремёнь и запас ткани. Чёрное копьё взял с собой; щит и тяжёлую добычную сумку оставил дома. Собирался посмотреть, выбрать момент и вернуться.

Во дворе Тавра через улицу ещё было тихо. Старый не пошёл туда. Если заплатить Тавру за людей, скрытность закончится на первом же вопросе: куда, зачем и что делать, если всё пойдёт плохо. Старый не хотел обсуждать ответ. В кладовой он зажёл лампу, нажал внутренний рычаг и вышел в

нижний коридор.

Дверь захлопнулась за спиной. Язычок встал на место. Обратно без Мирека через неё уже не попасть. Направление он помнил: широкий левый ход, не старая узкая арка и не лестница к храму.

Первые несколько сотен шагов под ногами ещё попадались следы человеческой работы: старая колея, свежая пыль там, где кто-то недавно проходил, сложенная у стены связка пустых корзин. Потом всё это закончилось. Тоннель шёл почти ровно. Камень под ногами был сухой, но воздух становился тяжелее. В двух местах с потолка капала вода. Один участок Старый прошёл согнувшись: старые подпорки опустились вместе с грунтом, и прежней высоты там уже не осталось.

Развилок и тайных ниш не было — только длинный подземный коридор, раздражавший своей нормальностью. Через час Старый уже сомневался, что шесть километров Мирек мерил тем же способом, что переводил интерфейс. Он остановился, попил и на минуту погасил лампу. Тьма легла сразу, без привычного серого света окна, звёзд или полосы под дверью.

Старый снова зажёг фитиль и пошёл дальше. Наружная дверь появилась неожиданно. Ход просто упёрся в две толстые створки, почерневшие от времени. Старый поднял лампу.

Перед дверью пол пересекал слишком ровный каменный

шов. По обеим сторонам проёма вверх уходили широкие вертикальные пазы, забитые старой пылью и известковым налётом. Когда-то здесь стояло что-то ещё — рама, подъёмная заслонка или часть прежней двери. Разбирать старую кладку ради догадки Старый не собирался.

Створки он дважды осмотрел — слева, справа, на стыке — и не нашёл ни одного замка. Вместо них поперёк двери лежал тяжёлый деревянный брус, заведённый концами в каменные пазы.

— Два замка, значит.

Он поставил лампу на пол и поднял один конец. Брус оказался тяжёлым, но поддался; второй конец пришлось вытаскивать, прижимая дерево плечом. Через полминуты весь видимый «двойной замок» лежал у стены. Мирек соврал про замки — или называл замками что-то, чего Старый здесь не понял. Второй вариант ему не понравился, и он отложил его до случая, когда появится причина разбирать старую кладку.

Старый поднял брус к стене и приоткрыл одну створку. В щель вошёл холодный утренний воздух. Снаружи оказался неглубокий каменный овраг. Вход прятался под нависающим пластом породы и кустарником. Если не знать, куда смотреть, дверь легко принять за тёмную стену в тени.

Снаружи он задержался недолго и вернулся внутрь: оставлять проход открытым не хотелось. С верёвкой пришлось повозиться. Он сделал свободную петлю вокруг края бруса, вывел конец наружу через щель и, уже закрыв створку почти

полностью, протянул брус обратно по пазам. Получилось со второй попытки.

Когда дерево село на место, Старый дёрнул верёвку за свободный конец и вытащил петлю через щель. Дверь снова была заперта изнутри. Он убрал верёвку и выбрался из оврага.

Наверху стало видно, насколько далеко он оказался от Стригга. Над деревьями выступали одна башня и длинный серый край Стены дальше на север. Главные ворота оставались далеко правее.

* * *

Первые два часа Старый смещался к тропам, по которым люди обычно уходили от северных ворот. Он держался ближе к Стене, но не настолько, чтобы попасть на очищенную полосу под глазами караула. Там, где между лесом и камнем шли старые рабочие следы, пользоваться ими было проще. Где след поворачивал к Стене, Старый уходил в кусты и обходил.

Один раз впереди в высокой траве что-то тяжело прошуршало. Старый остановился и дождался, пока шорох уйдёт в сторону. В другом месте на сырой земле нашёл свежий след крупной лапы — не тот, который умел узнавать, — и обошёл его. Солнце поднялось выше. Спина под сумкой вспотела.

Когда впереди стало много человеческих следов, Старый сел в тени и доел половину хлеба. Потом нашёл место для ожидания. Тропа шла от ворот в сторону леса по пологой ложбине — вытоптанная за последние недели путь для пе-

ших групп. Старый выбрал каменистый выступ выше.

Оттуда людей было видно раньше, чем они могли заметить его среди кустов. Старый устроился ждать.

* * *

Через полчаса прошли четверо местных — без белых знаков; двое несли корзины, двое длинные копья. Старый проводил их взглядом. Ещё через двадцать минут появилась группа из восьми пришлых, и только на двух белели кресты. По признакам они подходили, по числу — нет. Он дал им уйти. Потом двое, совсем молодые, с одинаковыми новыми щитами. Один нервно оглядывался на каждый шорох.

Не Кресты. За ними — трое местных охотников, если судить по сетям и коротким дротикам. Старый ждал. К полудню затекла нога, а нужной тройки всё не было. Он сменил положение, выпил немного воды. Сверху по камню проползло маленькое шестиногое существо с прозрачными пластинками вместо привычных крыльев; Старый сдул его с рукава.

Ещё через час с тропы донёсся смех трёх человек.

Первый шёл с копьём и небольшим круглым щитом за спиной. Второй нёс меч, короткий лук и колчан. Третий — топор на поясе и длинный нож. На рукаве первого белела ткань с тёмным крестом. У второго знак был пришит прямо к куртке. Третий носил маленький белый крест на перевязи. Старый выпрямился.

Это была первая группа, которая подходила по числу и знакам. Старый дал им пройти, досчитал дважды до ста и

спустился с камня.

* * *

Первые полчаса всё было слишком легко. Трое шли не спеша, не крались и разговаривали, а Старый держал расстояние и ловил только обрывки обычного торга: кто-то снова начал с пяти, потому что другой всегда начинал с трёх. Потом впереди засмеялись. У ручья группа остановилась пить; Старый лёг за поваленным стволом подальше. Один из троих снял сапог и вытряхнул оттуда мусор, второй ругался на натирающий ремень. Старый подождал, пока они уйдут, и продолжил. Тропа постепенно растворялась.

Кресты двигались по понятным ориентирам: край низины, два светлых камня, широкий ствол с обломанной вершиной. Видимо, ходили здесь не первый раз. Старый тоже запоминал. Через какое-то время он уже следил не столько за дорогой, сколько за расстоянием до белой повязки: сколько ещё сможет пройти незамеченным.

Он позволил расстоянию сократиться: дальше группа исчезала за зеленью и след приходилось искать заново. Белая повязка мелькнула между стволами. Старый прошёл следом.

Впереди кто-то сказал:

— Подожди. Что-то слышал.

Старый присел за толстым корнем. Шаги стихли. Потом один из троих сказал:

— Показалось. Пошли.

Они двинулись дальше. Старый остался ещё на минуту,

дождался, пока шаги отойдут, и снова пошёл следом.

* * *

Через четверть часа лес стал неудобнее. Между деревьями легла полоса старого бурелома; Кресты пошли правее, а Старый выбрал левый край, чтобы не повторять их шаги точно. Сухая ветка под сапогом сломалась с таким звуком, будто он нарочно ударил палкой по доске. Впереди разговор оборвался. Старый замер. Никто не крикнул и не побежал; через несколько секунд шаги возобновились. Старый пошёл медленнее.

Ещё через сто шагов увидел одного из них. Тот стоял вполоборота возле светлого камня и смотрел назад. Старый успел уйти за ствол раньше, чем лицо повернулось в его сторону полностью, и дождался, пока шаги впереди возобновятся.

Старый выждал ещё немного и пошёл дальше. На следующей низине следы троих неожиданно повернули обратно. Не сразу заметно: они прошли по мягкой земле вперёд, потом один след наложился на другой в обратную сторону. Старый остановился.

Старый ещё мог уйти в кусты, переждать и вернуться к Стриггу другой дугой. Он даже сделал два шага назад. И услышал голос совсем рядом:

— Не прячься уже.

Он повернулся. Трое стояли на тропе метрах в двадцати, ещё не расходясь по сторонам.

Копейщик держал оружие в руке, но наконечник смотрел в землю. Лучник лук не снимал. Третий положил ладонь на топор.

— Давно за нами идёшь? — спросил копейщик.

Старый вышел из-за дерева. Чёрное копьё было у него в руке.

— От северных ворот.

Человек с луком всмотрелся в него.

— Не знаю тебя. Чего надо?

Справа между деревьями оставалось достаточно места, чтобы рвануть в кусты, если не поскользнуться на корнях.

Копейщик шагнул ближе и снял щит со спины.

— Копьё вниз. Потом объяснишь, зачем полдня висел у нас за спиной.

Топорщик сместился левее, а лучник остался дальше и перестал улыбаться. Тропа назад пока оставалась свободна. Старый чуть удобнее перехватил копьё.

Глава 8. Ошибка Старого

Копейщик сделал ещё шаг, щит уже был на руке. Лучник держался сзади и следил за чёрным наконечником.

— Объясняй, — сказал копейщик. — Полдня за нами идёшь. Зачем?

— Белые тряпки ваши хотел рассмотреть поближе.

Топорщик усмехнулся. Копейщик даже не посмотрел на собственную повязку.

— Копьё на землю.

Копейщик прикрывался щитом и шёл прямо, топорщик держался рядом, лучник сохранял несколько шагов дистанции. Трое против одного; этого им пока хватало.

Старый мог ещё бежать. Не по тропе — туда его как раз теснили, — а вправо, через рыхлую землю и корни. Пять секунд форы, может десять, если первый куст не свалит его на землю.

Он переставил левую ногу. Копейщик сразу поднял щит выше.

— Не дёргайся.

Убийцы Игоря среди этих троих не было. Старый это знал: он выбрал первую подходящую группу с белыми знаками и пошёл за ней сам. Справа всё ещё оставался путь в кусты.

Старый перехватил древко обеими руками.

— Я сказал: положи.

Старый вместо этого пошёл вперёд и сразу вложился в длинный выпад. Щит закрыл грудь не полностью; железо чиркнуло по кромке, сорвалось в сторону и распороло рукав выше локтя. На ткани проступила кровь. Копейщик отшатнулся, выругался и на мгновение действительно открыл дорогу. Старый уже перенёс вес вперёд, когда топорщик не стал вытаскивать топор, а бросился на древко сбоку и повис на нём обеими руками. Старый дёрнул копьё к себе, пытаясь освободить наконечник, но вместе с оружием потянул к себе и человека. Копейщик уже вернулся, ударил щитом неумело, зато всем весом. Под курткой коротко звякнули вшитые пластины, но от массы это не спасало: толчок пришёлся Старому в плечо как раз тогда, когда ноги стояли неудобно. Он качнулся, упёрся пяткой в корень и удержался, но древко опустилось. Лучник бросил лук в траву и выхватил короткий меч.

— Держи его, не палку! — крикнул он.

Топорщик ничего не ответил: у него обе руки были заняты, лицо побелело от усилия. Старый попробовал ударить его тупым концом древка, тот принял удар бедром, зашипел, но не отпустил. Копейщик снова пошёл щитом вперёд, тесняя Старого к корням. В какой-то миг чёрное копьё оказалось между тремя людьми поперёк тропы, и вместо оружия стало рычагом, за который каждый тянул в свою сторону.

Старый отпустил одну руку и ударил ближайшего. Кулак попал лучнику в рот. Тот отпрянул; на губе сразу появилась

кровь.

— Да чтоб тебя...

Он вернулся вперёд и ударил не клинком, а рукоятью меча по предплечью. Пальцы Старого разжались. Топорщик рванул древко на себя и наконец выдернул копьё из его рук. Старый успел шагнуть следом, вцепиться в куртку копейщика и почти опрокинул его вместе со щитом, но теперь оружия у него не было, а людей напротив всё ещё было трое.

Они налетели одновременно, мешая друг другу и всё-таки делая главное — не давая ему выпрямиться. Старый ударил кого-то локтем, получил кулаком в висок, попытался выдернуть ногу из захвата и вместо этого сам потерял равновесие. Копейщик обхватил его сверху за плечи; лучник, всё ещё с разбитой губой, дважды ударил в живот. Старый согнулся, вывернулся из рук первого и на мгновение оказался свободен, но топорщик подсёк его ногой возле самого корня. Земля ударила в бок. Воздух вышел сразу.

Он ещё пытался подняться. Увидел возле лица сапоги, мокрые листья, собственное копьё в стороне. Успел ухватить кого-то за голень и дёрнуть. Человек упал на колено и выругался, зато второй навалился Старому на спину, прижав щекой к земле. Чьи-то пальцы вцепились в ворот, колено упёрлось между лопаток. Один из Крестов заорал, чтобы ему держали руки; второй огрызнулся, что и так держит, просто этот ненормальный не перестаёт вертеться. В короткой суматохе Старый рванулся ещё раз. Ему удалось повернуть голову и

вдохнуть, но в тот же момент кто-то ударил по затылку чем-то твёрдым. Не так, чтобы проломить череп. Просто достаточно, чтобы лес на миг вспыхнул белым и тут же погас.

* * *

Сознание возвращалось вместе с движением. Сначала Старый долго не мог понять, почему земля под ним куда-то едет. Потом почувствовал, что его держат под руками двое и волокут, заставляя переставлять ноги. Левая нога каждый третий шаг запаздывала и цеплялась носком за землю; тогда его вес целиком переходил на тех, кто тащил.

— Очнулся, — сказал кто-то совсем рядом.

Старый открыл глаза. Мир качнулся и некоторое время не хотел собираться. Руки были связаны за спиной. Верёвка тёрла запястья, правая кисть немела. Во рту стоял вкус крови, нос почти не дышал, а при попытке вдохнуть глубже правый бок отвечал узкой горячей болью.

Слева его держал топорщик. Справа — копейщик с перевязанным рукавом. Лучник шёл впереди, поднимая из травы свой лук; разбитая губа распухла и делала его лицо чужим.

— Сам идёшь? — спросил копейщик.

Старый попробовал поставить левую ногу увереннее. Получилось два раза подряд, на третьем колено подломилось.

— Значит, не совсем, — решил копейщик и перехватил его выше локтя.

Чёрное копьё нёс топорщик за середину, как неудобную длинную палку. Старый проверил наконечник, втулку, ре-

менную обмотку. Всё было на месте.

Лучник обернулся через плечо.

— Ещё раз начнёт дёргаться — уроните.

Копейщик перехватил Старого выше локтя повреждённой рукой.

— Тогда сам поднимать будешь.

Они шли обратно к более широкой тропе, с которой свернули раньше. Разговор быстро умер. Старый пытался найти шаг, при котором бок болел меньше, потом перестал и просто шёл. Один из троих прихрамывал после удара древком, второй держал повреждённую руку ближе к телу, третий то и дело сплёвывал кровь. Втроём они всё равно уложили Старого на землю. На основную тропу вышли как раз тогда, когда навстречу показались ещё люди.

Их было пятеро. Они возвращались со стороны леса, усталые, с грязью по колено и свёрнутой сетью на одном из рюкзаков. Двое несли копья, у женщины через плечо висел короткий лук, а последний тащил небольшой арбалет и одновременно пытался поправить ремень сумки. Белые кресты были не у всех на рукаве: один значок болтался на перевязи, у другого белая ткань выглядывала из-под ремня. Они увидели связанную фигуру и замедлились.

— Что случилось? — спросила женщина.

Копейщик сделал ещё несколько шагов, опустил руку Старого и дал ему прислониться плечом к дереву.

— Этот шёл за нами от дороги. Спросили, зачем — полез

с копьём. Ромке руку распорол, Лёхе губу разбил.

— Сам полез, — сказал лучник.

Копейщик не спорил.

— Это тот самый Старый? — спросил мужчина с сетью. Он смотрел внимательнее остальных, будто вспоминал услышанное раньше. — Про которого у двора говорили?

Лучник подтвердил. Двое из пятерых переглянулись. Арбалетчик поставил оружие прикладом в землю.

— И что вы с ним теперь?

— До своих доведём, — сказал топорщик. — Там решат.

Лучник вытер кровь с губы.

— Тащить в дом — кормить и сторожить. Лучше к дороге. Пусть другие увидят, чем кончается хвост за нашими. Потом закончим — на Земле очнётся.

— Не у ворот, — возразил арбалетчик. Стража там уже спросит, почему режем человека у неё под носом.

— Значит, раньше, — сказала женщина. — Но довести надо живым.

— Давайте сначала дойдём. Он еле стоит, — сказал копейщик.

Лучник всё-таки подошёл к Старому. Копейщик успел сказать: «Лёх, не надо», но не удержал. Удар пришёл снизу в живот, туда, где уже болело. Старый сложился бы пополам, если бы дерево не держало спину. Воздух пропал; перед глазами поплыли серые круги.

— Теперь пошли, — сказал лучник.

— Ещё раз в голову или в бок — сам его понесёшь, — сказала женщина, поправляя ремень рюкзака. — Нам нужен человек на ногах, а не мешок.

Топорщик подхватил Старого под руку. Тот попытался выпрямиться, вдохнул коротко и понял, что получилось. Они тронулись.

* * *

Через несколько сотен шагов группа растянулась сама собой. Кто-то шёл впереди, кто-то задержался у ручья наполнить флягу, двое спорили о том, где лучше выйти к дороге. Никакого строя не было. Старого держали то копейщик, то мужчина с сетью; остальные то обгоняли, то отставали.

У каменного выступа решили остановиться. Один из людей снял сапог и принялся вытряхивать из него мелкую колючую шелуху. Женщина присела у рюкзаков и достала еду. Лучник плеснул водой на губу. Чёрное копье бросили рядом с прочим оружием, шагах в десяти от Старого. Его посадили под дерево, связанные руки оставили за спиной.

Боль за время ходьбы изменилась. Сначала каждый шаг отдавался в боку остро, теперь там поселилось тяжёлое ровное давление, будто под рёбрами лежал горячий камень. Левое бедро распухало; ткань штанов натягивалась сильнее. Носом удавалось вдохнуть только наполовину.

Старый запоминал, кто куда положил оружие. Лучник это заметил.

— Всё ещё считаешь?

— Оставь, — сказал копейщик, перевязывая руку. — Нам его вести.

Лучник тронул разбитую губу, но промолчал. Старый тоже ничего не ответил. Справа в лесу что-то треснуло.

Звук был тяжёлый, с влажным хрустом древесины. Мужчина у ручья ещё успел спросить, не свалилось ли дерево. Треск повторился ближе, и женщина поднялась с едой в руке.

Арбалетчик потянулся к оружию. Из кустов вылетело чёрно-зелёное тело.

Первого человека оно ударило на ходу — того самого, который снимал сапог. Он сидел боком. Тяжёлая передняя лапа пришлась в плечо и грудь, тело отбросило на камень; голова стукнулась так, что звук потерялся в общем шуме. Тварь остановилась в двух шагах от него. Старый увидел прежде всего размер. Потом — чешую.

Крупные чёрно-зелёные пластины лежали по длинному тяжёлому телу, заходя одна на другую. Между ними при каждом вдохе открывались узкие тёмные полосы. Формой зверь отдалённо напоминал очень крупного волкоподобного хищника, но передние лапы были слишком широкими, шея — толще, хвост — тяжёлым и почти неподвижным до разворота. Лучник застыл с мечом наполовину вынутым.

— Это...

Тварь прыгнула на него прежде, чем он закончил. Женщина схватила короткое копьё и попыталась удержать зве-

ря на расстоянии. Арбалетчик упал на колено у своей сумки, лихорадочно ища болт. Топорщик, наоборот, бросился к лежащему у камня товарищу, будто ещё можно было его вытащить. Один из новых Крестов побежал назад по тропе сразу, даже не пытаясь понять, кто за ним последует.

Челюсти сомкнулись на предплечье лучника. Он закричал, ударил мечом сверху в шею, но клинок соскользнул по пластинам. Тварь мотнула головой, и человек полетел на землю.

— В бок! Сбоку бей!

Женщина ткнула копьём. Первый удар скользнул. Второй пришёлся ниже передней лапы и вошёл на несколько пальцев. Тварь резко дёрнулась, из раны потекла тёмная кровь.

— Берётся! — крикнула она, отступая.

Арбалет хлопнул почти тут же. Болт ударил в плечо, одна пластина отбросила его в сторону, но наконечник застрял между двумя соседними. Зверь издал низкий звук, который Старый скорее почувствовал грудью, чем услышал, мотнул плечом и продолжил движение.

Топорщик наконец схватил товарища за ворот и попытался оттащить от камня. Тварь развернулась на движение. Женщина успела крикнуть ему, чтобы бросил, но поздно: зверь ударил сбоку, и оба человека упали. Копейщик поднял щит и встал между ними и тварью. Удар принял на себя. Его подняло с земли и отбросило вместе со щитом.

Кто-то побежал. Ещё один человек дёрнулся за ним. Ар-

балетчик закричал, чтобы держались вместе, но сам отступал, не успевая зарядить второй раз. Женщина помогала копейщику подняться, пока тварь рвала лежавшего у камня. Потом зверь заметил бегущих.

Зверь повернул за бегущими, сорвался с места и исчез между деревьями вслед за ними. Через несколько секунд лес ответил криком, потом ещё одним, дальше затрещали кусты. Возле камней остались раненые, мёртвые, разбросанное оружие и связанный Старый. Его чёрное копье лежало там же — метрах в десяти.

* * *

Старый попытался подвести под себя ногу, чтобы подняться хотя бы на колени, и правый бок вспыхнул так, что мир сузился до серой полосы перед глазами. Пришлось замереть и несколько раз вдохнуть совсем мелко. Где-то справа человек стонал, но Старый не видел, кто; дерево закрывало часть поляны. Рядом, чуть дальше вытянутой ноги, лежал арбалетчик. Он не двигался. На поясе висел короткий нож.

Старый перекатился на бок. Связанные руки мешали опереться, поэтому пришлось продвигаться плечом и бедром, чувствуя, как земля набивается за ворот. Каждый поворот отзывался в рёбрах. До ножа было меньше метра, но дважды он останавливался, потому что начинало темнеть в глазах. Пальцы наконец нащупали рукоять.

Вытащить нож вслепую оказалось трудно. Кисти были сведены верёвкой, ладони скользили. Старый зажал руко-

ять между ними, повернул лезвие на ощупь и начал пилить. Один раз металл ушёл мимо волокон и разрезал кожу у запястья. Он дёрнулся, едва не выронил нож, потом снова прижал его к верёвке. Где-то в лесу ломались ветки. Старый ускори́лся, насколько мог.

Верёвка сначала стала мягче, затем одна прядь лопнула. Он рванул руки в стороны, и петля поддалась. Кровь сразу потекла по ладони, но пальцы двигались. Он попробовал встать.

Ноги приняли вес, тело поднялось почти полностью — и левая нога сложилась, будто её выключили. Старый рухнул обратно, ударился плечом о землю и несколько секунд лежал, зажав рот, чтобы не кричать. Второй попытки не потребовалось. Стоять он не мог.

Копьё оставалось впереди. Между ним и Старым лежало открытое место, которое здоровый человек пересёк бы за несколько шагов. Теперь это была отдельная дорога. Он пополз.

Сначала пытался двигаться на коленях и одной ладони, но бедро не держало. Пришлось лечь ниже, переносить вес на локти и правое колено, левую ногу тянуть за собой. Земля была влажной, местами мягкой; корни царапали живот через одежду. Порезанное запястье быстро заби́лось грязью. Через пару метров бок начал гореть так, словно внутри что-то каждый раз цеплялось за ребро. Старый остановился, прижал лоб к земле и прислушался. В лесу стало тише.

Он снова двинулся, уже не стараясь беречь одежду или кожу. Копьё приближалось мучительно медленно. Он протянул руку и не достал всего ладонь; пришлось подтянуть тело ещё раз, прежде чем пальцы легли на знакомое чёрное древко. Старый прижал древко к себе и перевёл дыхание.

В стороне стояло толстое дерево, корни которого поднимали землю вокруг ствола. До него было ещё несколько метров. Бежать невозможно, спрятаться далеко тоже. Если тварь вернётся и захочет его, единственное, что Старый мог сделать, — заставить дерево принять часть удара. Он потащил копьё за собой.

Теперь каждый метр стал ещё неудобнее: длинное древко цеплялось за траву, наконечник уходил в землю, задний конец стучал по корням. Старый то тянул оружие за середину, то толкал впереди себя. Один раз сумел подняться на четвереньки и прошёл так два шага, но левая нога задрожала, и он снова опустился. До дерева добрался уже на чистом упрямстве.

Он сел, прислонив спину к стволу, и некоторое время просто ждал, пока перестанет качаться лес. Затем положил копьё вдоль правого бедра, попробовал упереть задний конец в выступающий корень. Слишком низко. Переставил выше, ближе к самому стволу, чтобы при ударе древко не ушло назад вместе с ним. Наконечник смотрел в ту сторону, куда исчез зверь.

План был отвратительный. Он работал только если тварь

подойдёт почти прямо и сама выберет направление, в котором у копы за спиной окажется дерево. Если она обойдёт, прыгнет сбоку или просто не полезет — Старый ничего не сделает. Руки дрожали. Из кустов донёсся короткий треск. Зверь вернулся.

На морде была кровь. В плече всё ещё торчал обломанный болт. Переднюю лапу он ставил чуть осторожнее, а под ней между пластинами темнела рана от чужого копы. Тварь заметила Старого сразу.

Остановилась шагах в двадцати. Голова опустилась, тяжёлый хвост качнулся один раз. По шее при дыхании двигались чешуйчатые пластины, но Старый не мог различить, где между ними достаточно мягкого места для железа. Он крепче прижал древко к бедру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.